

ПАВЕЛ БРЯНЦЕВ

ЛИТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

От возникновения в XIII в. до союза
с Польшей и образования Речи
Посполитой и краха под напором
России в XIX в.

Павел Брянцев

**Литовское государство. От
возникновения в XIII веке до
союза с Польшей и образования
Речи Посполитой и краха под
напором России в XIX веке**

«Центрполиграф»

1889

УДК 93/94
ББК 63.3

Брянцев П. Д.

Литовское государство. От возникновения в XIII веке до союза с Польшей и образования Речи Посполитой и краха под напором России в XIX веке / П. Д. Брянцев — «Центрполиграф», 1889

ISBN 978-5-227-07519-2

Павел Дмитриевич Брянцев несколько лет преподавал историю в одном из средних учебных заведений и заметил, с каким вниманием ученики слушают объяснения тех отделов русской истории, которые касаются Литвы и ее отношений к Польше и России. Ввиду интереса к этой теме и отсутствия необходимых источников Брянцев решил сам написать историю Литовского государства. Занимался он этим сочинением семь лет: пересмотрел множество источников и пособий, выбрал из них только самые главные и существенные события и соединил их в одну общую картину истории Литовского государства.

УДК 93/94

ББК 63.3

ISBN 978-5-227-07519-2

© Брянцев П. Д., 1889
© Центрполиграф, 1889

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Первый период	11
Религия древних литовцев	18
Главные литовские боги	19
Литовские богини	20
Литовские жрецы	22
Религиозные обряды древних литовцев	25
Мифические предания древних литовцев	30
Легендарные герои древних литовцев	33
Семейная и гражданская жизнь древних литовцев	41
Сношение древних литовцев с норманнами, русскими, поляками и немцами в легендарный период их истории	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Павел Брянцев
Литовское государство. От возникновения
в XIII веке до союза с Польшей и
образования Речи Посполитой и
краха под напором России в XIX веке

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Состоя несколько лет кряду преподавателем истории в одном из средних учебных заведений Северо-Западного края, автор этой книги не раз видел, с каким вниманием ученики слушают объяснения тех отделов русской истории, где касается Литвы и ее отношений к Польше и России. Особенной же напряженности, замечал он, внимание учеников достигало тогда, когда автор излагал введение унии в западнорусских областях, а также преследования православных и казацкие восстания на защиту православия и русской народности. А по окончании уроков тысячи раз приходилось ему выслушивать от воспитанников одну и ту же просьбу: «Будьте так добры, порекомендуйте нам какое-нибудь сочинение, в котором бы подробно и систематически излагались события, относящиеся к истории Литовского государства»; другими словами: они просили автора указать им полную и подробную историю Литовского государства с древнейших времен. Но автор, к глубокому сожалению, не мог этого сделать по той простой причине, что подобной истории на русском языке не существует. Правда, автор указывал им на сочинения М.О. Кояловича, В.Г. Васильевского, В.Б. Антоновича, И.Д. Беляева, Д. Иловайского, Боричевского, Дашкевича, Смирнова, Киркора, Кукольника, Костомарова, Чистовича, преосвященного Макария, Петрова, Малышевского и на другие, в которых более или менее подробно излагаются те или другие события, относящиеся к истории Литовского государства¹.

Но в то же время составитель сей книги в душе сознавал, что ученики не могут всеми ими воспользоваться, потому что большая часть сочинений вышеозначенных авторов составляют библиографическую редкость, вследствие малого числа экземпляров, выпущенных в свет; а также он сознавал, что если бы воспитанники каким-нибудь образом и приобрели рекомендованные им сочинения по истории Литовского государства, то и тогда они не могли бы вполне удовлетвориться ими, потому что сочинения эти касаются только отдельных событий литовской истории, а не составляют полной системы ее, как того, видимо, ученики желают; притом сочинения вышеозначенных авторов имели цель ученую, а не популярное изложение событий.

Ввиду всего этого автор сей книги решился сам написать историю Литовского государства; тем более он считал это возможным для себя, что предмет этот достаточно ему знаком, так как он в продолжение четырех лет слушал в Киевском университете лекции, специально по сему предмету излагаемые глубоким знатоком истории Литовского государства и уважаемым всеми студентами профессором В.Б. Антоновичем.

Автор занимался этим сочинением семь лет. Он пересмотрел множество источников и пособий как на русском языке, так и на иностранных; выбрал из них только самые главные и существенные события и соединил их в одну общую картину истории Литовского государства. При этом автор не цитировал в своей истории всех источников и пособий, которыми он пользовался, за исключением некоторых, потому что писал не диссертацию на ученую степень, а просто популярную книгу для всех интересующихся историей бывшего Литовского государства, громадное большинство жителей которого состояло из православно-русского населения.

¹ Сочинения вышеозначенных авторов, рекомендованные составителем этой книги, следующие: «Лекции по западно-русской истории». 1884 г. М.О. Кояловича; «История города Вильны», Васильевского (см. Памяти, русск. старины в западных губ. Батюшкова за 1871 г.); «Очерк истории вел. Литовского княжества до смерти Ольгерда». 1878 г. В.Б. Антоновича; «Очерк Северо-Западного края». 1868 г. И.Д. Беляева; «История России», ч. II. 1880 г. и ч. III. 1884 г. Д. Иловайского; «Православие и русская народность в Литве». 1851 г. Боричевского; «Заметки по истории Литовско-русского государства». 1885 г. Дашкевича; «Ягайло – Яков – Владислав». 1868 г. Смирнова; «Витовт» Киркора (см. Черты из жизни и истории литовского народа. 1854 г.); «Очерк истории Литвы». 1864 г. Кукольника; «Богдан Хмельницкий». 1867 г. Костомарова; «История западно-русской церкви». 1884 г. Чистовича; «История церкви», т. V, IX, X. Преосвященного Макария; «Орден базилиан» Петрова, «Люблинская уния», Малышевского (см. Памяти, русск. старины в западных губерниях Батюшкова за 1885 г.).

В заключение автор сей книги нелишним находит сказать, что в его труде читатели, пожалуй, встретят недостатки, например, что в его сочинении мало обращено внимания на внутреннюю сторону

Литовского государства; или что некоторые отделы во внешнем отношении не вполне обработаны; или в некоторых местах материал расположен не так, как следовало бы, и т. д. Но эти недостатки, и подобные им, произошли не от невнимания и недосмотра автора, а от причины, от него не зависящей: последние два года автор сей истории часто болел.

Но если Бог пошлет здоровье автору, то в непродолжительном времени он надеется напечатать «Очерк Литвы» для народа и сельских школ Северо-Западного края в более популярном изложении, чем эта книга, а также несколько отдельных брошюр, относящихся к Литве и Юго-Западной России. В популярных книжках, относящихся к истории Литвы и Юго-Западной России, ощущается большая потребность в Северо-Западном крае, в чем автор глубоко убедился, наблюдая за населением сего края и прислушиваясь к его разговорам.

П.Д. Брянцев

*1 июля, 1888 года,
г. Смоленск*

Введение

Под именем Литовского государства нужно разумеать совокупность всех тех областей, которые входили в состав владений последнего великого литовского князя Витовта² и заключали в себе следующие нынешние губернии Российской империи: Витебскую, Псковскую, Ковенскую, Гродненскую, Виленскую, Минскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую, Киевскую, Волынскую, Подольскую, Херсонскую – и части губерний: Сувалкской, Тверской, Калужской, Орловской, Тульской, Екатеринославской, Курской и Полтавской.

Первоначальное ядро Литовского государства образовалось в XIII в. Явилось оно на русской территории, именно: в так называемой в древности «Черная Русь», где теперь находятся города Гродненской и Минской губерний: Новогрудок³, Слоним и Волковыск. А затем уже оно благодаря даровитости князей стало быстро расширять пределы свои во все стороны, но особенно на юго-восток, то есть за счет русской территории. Сему последнему много помогли два следующих обстоятельства: раздробленность Русского государства на мелкие уделы и татарское иго.

В начале XV в. Литовское государство достигло крайних пределов своего территориального развития. К этому времени князья его уже владели многими удельными русскими княжествами, а именно: Полоцким, Витебским, Минским, Смоленским, Черниговским, Киевским, Волынским, Галицким и другими; так что при Витовте, этом последнем литовском князе, девять десятых части всей территории Литовского государства составляли русские земли и только одну десятую – собственно литовские; в таком же отношении касательно численности находилось и народонаселение сего государства.

Вследствие завоевания литовскими князьями такого громадного количества русских земель произошло то, что как сами литовские князья, так и народ их племени подчинились цивилизации покоренного ими народа русского: и князья, и народ литовский приняли (если не все, то большая часть, особенно первых) от своей покоренной народности нравы, обычаи, гражданское и военное устройство, религию, язык и письменность. В начале XIV в. обрусение литовской народности настолько было велико, что иностранные писатели не могут отличить литовцев от русских и постоянно смешивают их⁴; и сами литовские великие князья уже в первой четверти XIV в. сочли нужным к своему прежнему титулу «литовские князья» присоединить новый титул и «русские». Так, великий литовский князь Витень и брат его Гедимин в официальных документах именовали себя «князьями литовскими и русскими».

Между тем как литовские князья стремились расширить пределы своего государства за счет мелких удельных русских княжеств и в то же время впитать в себя плоды их цивилизации, на восточной окраине русской территории появилась новая русская ветвь, так называемая великорусская, или московская⁵. В конце XIII в. политическим центром этой ветви сделался небольшой городок Москва. Московские князья, подобно литовским, отличались умом

² Витовта мы называем последним великим литовским князем на том основании, что после его смерти Литовское государство уже не имело у себя самостоятельного и независимого князя; притом после его смерти государство это не только не расширяется, но, напротив, все более и более сокращается в своих пределах.

³ Новогрудок – это первая столица, как исторически известно, Литовского государства. Город этот основан в 1044 г. русским киевским князем Ярославом I, сыном Владимира Святого. См. Ипатьевскую летопись. *Примечание.* В древности Новогрудок назывался «Новгородок».

⁴ Так, например, писатель Прусско-ливонского ордена Петр Дюсбургский в своей хронике два раза говорит (под 1296 и 1305 гг.) о единоборстве немецких рыцарей с литовскими и оба раза обозначает, что эти последние были русские, то есть он называет их и русскими и литовцами. *Примечание.* Этот же Петр Дюсбургский в своей хронике говорит, что русские постоянно находились в войске литовцев и отличались прекрасным вооружением и военными приемами, подобно всем западным рыцарям.

⁵ О московской, или великорусской ветви см. ниже.

и энергиею; подобно же литовским князьям, они также стремились расширить пределы своего маленького государства и именно за счет мелких русских удельных княжеств. Но на этом пути, как и следовало ожидать, московские князья встретили соперников в лице литовских князей. Произошло столкновение. Столкновение это началось при великом литовском князе Гедимине и московском Иоанне

Калите и затем продолжалось при всех остальных литовских князьях. Но в этом столкновении или, лучше сказать, в этой борьбе литовских князей с московскими перевес был почти всегда на стороне первых, потому что русские мелкие княжества (из-за которых собственно и была борьба) во время этой борьбы более тянулись к Литве, чем к Москве; притом русские мелкие князья считали великих литовских князей более сильными и крепкими и видели в них потомков (хотя неправильно) Владимира Святого, исповедующих одинаковую религию и держащих одинаковые нравы, обычаи и, наконец, говорящих на одном с ними языке русском.

Так продолжалось дело до 1380 г., то есть до соединения Литвы с Польшею при Ягайле или, лучше сказать, до смерти Витовта. С этого же времени оно изменилось: правда, борьба между Литвою и Москвою по-прежнему продолжалась, но только теперь уже не Литва, как прежде было, одерживает верх над Москвою, а, наоборот, Москва над Литвою, – и это очень понятно: так как Литва соединилась с Польшею, то после смерти Витовта она стала употреблять все усилия к тому, чтобы уничтожить это соединение: по сему поводу начались съезды, споры, внутренние волнения и разного рода неурядицы; а между тем все это настолько парализовало ее силы, что она, даже при помощи Польши, не в состоянии была отразить нападения Москвы, которая, продолжая расширять свои пределы за счет мелких удельных княжеств, стала изъяслять претензии и на те из них, которые уже давно составляли собственность Литвы. Подобная грустная картина для Литовского государства продолжалась более чем полтора столетия, лучше сказать, до 1569 г.

В 1569 г. Литовское государство благодаря почти двухсотлетней подготовке со стороны Польши окончательно соединилось с этою последнею. С сего времени Литовское государство уже совершенно теряет свою самостоятельность и политическую независимость. С 1569 г. Литва и Польша получают одно общее название «Речь Посполитая» (*Rzecz Pospolita*, республика). Факт этот совершился в г. Люблине на общем съезде, а потому и самое соединение известно в истории под именем «Люблинской унии».

Но так как в Литовском государстве громадное большинство населения было православное, то польские паны, по наущению своего латинского духовенства и иезуитов, для прочности Люблинской унии задумали обратить православных в католичество; приступили к делу; православные подверглись преследованию; застонали; но на защиту их явились московские государы; опять началась борьба Москвы с своим западным соседом, но только не с Литвою, а с

Польшею, которой Литва передала все свои политические задачи и традиции. При этом и самый характер борьбы изменяется: до 1569 г. он имел оттенок политический, а теперь религиозный. Но и теперь, как и тогда, Москва одерживает решительный перевес; и Речь Посполитая, вследствие ударов, наносимых Москвою, а также порчи нравов высшего сословия и внутреннего разложения, окончательно умирает политической смертью: в конце XVIII в. она разделяется между тремя соседними государствами: Россиею, Пруссиею и Австриею, причем первой достается почти все бывшее Литовское государство, а через четверть столетия, по Венскому конгрессу, и большая часть Польши.

С этого времени как для Польши, так и для Литвы настает новая эра, и нужно сказать, весьма благоприятная для них, особенно же для первой: благодаря великодушию русского императора Александра Благословенного в 1815 г. Польше дана была полная автономия и превосходное внутреннее устройство; ей указан был путь, «идя которым, она, говорит немецкий историк Смит, скоро забыла бы двести лет своей анархии и не замедлила бы стать наряду с образованнейшими государствами Европы». Но, к сожалению, Польша не пошла этим путем:

вследствие отделения от нее в административном отношении областей бывшего Литовского государства и стремления русского правительства окончательно слить их с империей, Польша два раза начинает борьбу с Россией, и оба раза, как и следовало ожидать, вполне неудачно. Но главное: чрез это она лишилась дарованных ей привилегий, а вследствие эмиграции и выселений потеряла многих своих даровитых членов и положила начало к сокращению своей национальности⁶.

Мы представили краткий очерк истории Литовского государства, с целью показать, в каком порядке она изложена будет нами в нашем сочинении.

Историю эту мы делим на следующие пять периодов:

Первый период. Он продолжается от первого появления литовцев на историческом поприще до первой попытки их образовать на русской территории самостоятельное государство, то есть до половины XIII в., или до Миндовга. Этот период мы называем легендарным, потому что события в этом периоде относительно литовцев, изложенные в летописях и хрониках русских, польских, литовских и немецких писателей, хотя и имеют в основе своей факты несомненно исторические, но слишком опозитизированы фантазией, а потому заслуживают только внимания, а не полной несомненности.

Второй период. Исторические времена Литовского государства. Этот период продолжается от Миндовга до соединения Литвы с Польшею в 1386 г. или, лучше сказать, до смерти Витовта. Период этот представляет, с одной стороны, полное развитие сил и энергии литовцев, а с другой – неудержимое стремление на юго-восток к покорению Руси (собираению) и в то же время слиянию с покоренною русскою народностью.

Третий период. От смерти Витовта до Люблинской унии, бывшей в 1569 г. В этом периоде представляется, с одной стороны, усиленное стремление Литовского государства снова отделиться от Польши, а с другой – потеря им восточных областей вследствие напора Москвы.

Четвертый период. От Люблинской унии до конца XVIII в., или разделов Польши. В этом периоде мы видим, с одной стороны, энергическое стремление польских панов к уничтожению православнорусской народности в Литовском государстве, а с другой – упадок, анархию и разложение самой Польши, чем старается воспользоваться Москва, чтобы нанести ей последние удары, а затем политическая смерть Польши.

Пятый период. Этот период начинается от разделов Польши и продолжается до настоящего времени. В этом периоде также замечаются два главных явления: с одной стороны, желание русского правительства осуществить то древнее стремление литовского народа, которое обнаружилось в нем еще во времена его независимости, именно: слияние с русскою народностью, а с другой стороны, стремление поляков помешать этому желанию русского правительства, а отсюда снова борьба, но борьба неравная и только ведущая к гибели польской национальности.

⁶ Так, например, в шестидесятых годах в России было поляков более семи млн, а теперь всего шесть. *Примечание.* Поляков на всем земном шаре считается около 11 млн 300 тыс., так: в России 6 млн, в Австрии 3 млн, в Пруссии 2 млн 230 тыс., в Америке 70 тыс.

Первый период Легендарный

Географическое распределение литовских племен. Происхождение литовцев. Древние известия о литовцах у иностранных писателей. Тысячу лет тому назад литовцы жили там, где и теперь живут, то есть в областях рек Немана, 3. Двины и Вислы⁷. Но только они тогда занимали большее пространство, чем в настоящее время, да и числом их теперь менее, чем десять веков тому назад: страшные и губительные войны, моровые поветрия, порабощения соседей истребили их больше чем наполовину. Из восьми племен, на которые тогда делились литовцы, едва уцелели три: собственно литовцы, жмудь и латыши⁸.

В X в. литовцы делились на следующие восемь племен:

Собственно литовцы. Племя это было самое многочисленное. Заселяло оно земли, лежащие по среднему течению Немана, а также по бассейну его притока Вилии, то есть нынешнюю губернию Виленскую и северные части губерний Гродненской и Августовской.

Жмудь. Племя это жило по правому берегу нижнего течения р. Немана до моря, а также в бассейне и на притоке Дубиссы, и в верхнем течении Виндавы, то есть в нынешней Ковенской губернии. Собственно литва и жмудь тесно были связаны между собою, язык их так сходен между собою, как русский с белорусским. Оба эти народа составляли ядро Литовского государства.

Ятвяги. Жили по нижнему течению Западного Буга и в Беловежской Пуще, то есть в западной части Гродненской губернии, Седлецкой и средней части Августовской. Так как племя это на юге врезывалось в русские земли, то оно раньше всех других литовских племен пришло в столкновение с русскими князьями. В начале XIII в. ятвяги, как это видно из Ипатьевской летописи, должны были выдержать сильный напор галицко-русских князей. Отличаясь необыкновенною храбростью и стойкостью народного характера, они выдержали эту неравную борьбу и затем вошли в состав Литовского государства. Но чрез два столетия после этого ятвяги исчезают вследствие натиска поляков, желавших сделать их католиками и ополячить⁹.

Пруссы. Обитали между нижним течением Немана и Вислы вдоль морского берега. С начала второй четверти XIII в. они вступили в ожесточенную борьбу за свою самостоятельность с орденом крестоносцев и были ими покорены. Впрочем, в течение всего XIII века они, при столкновениях крестоносцев с литовцами, от времени до времени производят восстания с целью возвратить себе утраченную свободу и тем доставляют значительную поддержку литовским князьям в борьбе их с крестоносцами. Племя это ранее других литовских племен приобрело своеобразные признаки первобытной народной культуры. У него собственно получили значительное развитие народные литовские мифы, сложились эпические сказания (о Брутене и Вайдевуте), выработалось и установилось жреческое сословие, составлявшее в продолжение долгого времени единственную объединительную связь (за исключением общих законов)

⁷ За исключением голяди. См. ниже.

⁸ В настоящее время всех литовцев, присоединяя сюда и латышей, около 2 млн 900 тыс. Из них: собственно литовцев и жмудин будет около 1 млн 900 тыс., а латышей около 1 млн. В России собственно литовцы живут в губерниях: Виленской (в уездах: Виленском, Троцком, Свеецянском и отчасти в Лидском и Ошмянском) и Сувалкской (в уездах: Мариампольском и Кальварийском); жмудины живут преимущественно в западной части Ковенской губернии до р. Невяжи. Латыши – в губерниях: Лифляндской, Курляндской и отчасти в Ковенской и Витебской. Всех литовцев в России живет около 2 млн 700 тыс. человек. Остальные, в количестве 200 тыс., живут в Пруссии, в округах: Мемельском и Гейдепругском.

⁹ В настоящее время на востоке от Гродны, в окрестностях м. Скиделя живет население православного исповедания, говорит белорусским наречием, но с литовским произношением. Оно отличается от других белорусов смуглым цветом лица, черными волосами и некоторыми особенностями нравов. Очень может быть, что это потомки ятвягов.

между всеми коленами и народами литовского племени. Среди этого народа в первый раз открыто святилище литовцев Ромове и при нем найден главный жрец Криве-Кривейто.

Земгола. Племя это жило по левому берегу 3. Двины, то есть в нынешней Курляндской губернии и западной части Витебской. Оно целое столетие энергически боролось за свою свободу с немцами, пока не погибло под их ударами. В конце XIII в. среди земголы явилась попытка образовать прочное государство, и на время народ этот соединился под властью даровитого предводителя Немейте, который несколько раз наносил поражения ордену и старался защитить свои границы постройкою крепостей. Правда, усилия эти ни к чему не привели лично для земголы, но зато они удержали на некоторое время натиск немцев на остальные литовские племена и этим помогли образоваться Литовскому государству.

Корсь или куроны. Племя это занимало полуостров, образуемый Балтийским морем и Рижским заливом, то есть оно жило в нынешней Курляндской губернии. Племя это покорили немцы еще в конце XIII в.

Летголы. Племя это известно под именем латышей. В древности оно жило по правому берегу нижнего течения 3. Двины, окружало Рижский залив и упиралось в финское племя чудь, то есть занимало западную территорию нынешней Лифляндской губернии. Впоследствии немецкие крестоносцы, истребивши корсь, на ее место переселили часть летголы.

Голядь. Народ этот жил совершенно отдельно от остальных литовских племен. Он занимал область, лежащую между реками Протвою и Угрою (притоками Оки), или нынешние уезды Калужской губернии, именно: Боровский, Малоярославский, Медынский, Тарусский и Калужский. Племя это составляло как бы островок среди двух славянских племен – кривичей и родимичей. Как оно попало туда – неизвестно.

Но теперь вот вопрос: откуда произошли литовцы и как попали в вышеозначенные области? До шестидесятых годов XIX в. вопрос этот считался очень важным и сильно занимал всех ученых, интересовавшихся историей Литвы. Мы знаем, что нет ни одного народа в мире историческом, о происхождении которого не было бы составлено разного рода сказок и басен, а равным образом предположений и догадок. Литовскому же народу едва ли не посчастливилось в этом отношении пред всеми другими народами: откуда только его не производили и к какому только народу не приравнивали, и каких басен и сказок не писали о нем!

Мы не будем перечислять всех тех басен и сказок, а равным образом предположений и догадок, занесенных писателями в свои хроники, летописи и истории о происхождении литовцев, сообщим только более главные из них. Производили литовцев:

От евреев. Мнение это основывали на случайных и совершенно произвольных сближениях библейских сказаний о еврейском народе с обычаями и характером литовцев. Так, кенигсбергский пастор Иоанн Функе в сочинении «Комментарии к хронологиям» утверждает, что литовцы происходят от той части еврейского народа, которая была отведена в плен Салманассаром, не объясняя, каким образом евреи эти очутились на берегах Балтийского моря. Как единственное доказательство Функе приводит только тот признак, что пруссы приносили богам своим в жертву козла и что такой же обычай существовал и у евреев.

Другой немецкий писатель Северин Зубель в своем сочинении «О происхождении янтаря» утверждает, что литовцы произошли от евреев, изгнанных из Иерусалима римским императором Титом. Как на главное доказательство в пользу своего мнения он указывает на постоянство характера литовцев и на упорство, с которым они держались язычества и отказывались от святого крещения.

От греков. Так, писатель XVI века Иодок Вилихий (по происхождению литовец, из Пруссии) говорит, что литовцы произошли от греков. В доказательство своего мнения он производит существование заповедных рощ у литовцев и у греков, приношение в жертву богам козла, существовавшее у литовцев и напоминавшее греческий культ Дионисия, и, наконец, обращаясь к языку литовцев, он говорит: «Язык литовцев вовсе не варварский, но испорчен-

ный греческий, подобно тому, как язык французский и испанский произошли от порчи латинского, – я сам убедился в этом на деле, говоривши по-гречески с пруссаками».

От остатков армии Александра Македонского, рассеявшейся после его смерти. Так, писатель XIII в. Гобелин в одном из своих сочинений рассказывает, что отряд македонского войска, оставленный Александром Великим в Кавказских горах для охранения границ его государства, узнав о его смерти и опасаясь вражды туземцев, решил вернуться в отечество морем. Для этой цели македоняне снарядили 300 кораблей и поплыли вдоль берегов Каспийского моря. Гобелин полагал, что это залив Северного океана; после долгого странствования большинство кораблей погибло от бури и уцелело из них только 54, из числа которых 18 пристали к берегам Пруссии, 12 – к острову Ругия и 24 – к устью Эльбы. Высадившиеся в этих местах македоняне и были родоначальниками литовцев¹⁰.

От римлян. Мнения этого начиная с XV в. и почти до XIX держалась многочисленная группа польских и литовских ученых. Особенно настойчиво проводили мысль о происхождении литовцев от римлян литовские ученые. Они хотели этим облагородить свою народность и дать возможность дворянским литовским родам перещегоолять древностью польскую шляхту, гордившуюся пред ними старинными гербами и древностью родов своих. Первый высказал отчетливо мнение о происхождении литовцев от римлян краковский каноник Иоанн Длугош¹¹. В своем обширном компилятивном труде «История Польши» Длугош говорит, что литовцы – это есть колония римских граждан, бежавших к берегам Балтийского моря во время междоусобной войны Юлия Цезаря с Помпеем. Для этого он приводит два доказательства: а) близкое сходство религии литовцев с религиею римлян; б) тождество названия священного места литовцев Ромове с главным городом Римской империи «Рим»¹².

Вслед за Длугошем почти все историки польско-литовские XVI, XVII и XVIII вв. повторяют его мнение о римском происхождении литовцев, стараясь подкрепить его новыми доказательствами и установить мельчайшие подробности перехода римлян на берега Балтийского моря и Немана. Они находят аналогию литовцев и римлян: в обычае сжигания мертвых, бывшем у обоих народов; в том, что гром был атрибутом главного римского божества Юпитера и главного божества литовцев Перкуна; в почитании литовцами змей, сходном с почитанием у римлян бога Эскулапа, которого изображали в виде змеи; в существовании у обоих народов священных и заповедных рощ, неугасимого огня у литовцев и римлян огня богини Весты и т. п. Писатели эти не могут только согласиться насчет времени переселения римлян из Италии в Литву: одни говорят, что это переселение совершилось во времена Мария и Суллы, другие – Помпея, третьи – Нерона, четвертые – Аттилы и т. д.

Наконец, производили литовцев от: **скифов, сорматов, даков, алланов, готов, кельтов и других народов**¹³. Но все это оказалось неверным.

¹⁰ *Примечание.* О происхождении литовцев от остатков армии Александра Македонского говорит и аббат Стаденский в своем сочинении о начале Саксонии. Стаденский – писатель XIII в.

¹¹ Родился в 1435 г., умер в 1480 г. Он был воспитателем детей польского короля Казимира IV и некоторое время жил в Вильне.

¹² Слово Ромове происходит не от латинского слова «Коша», а от литовского «Romota» и означает: *срощенный*, то есть священный дуб, состоящий из трех срощенных стволов. См. ниже Ромове. *Примечание.* Длугош в своем сочинении высказывает еще другое предположение о происхождении литовцев, именно: царь вифинцев Прузиас, побежденный римлянами, бежал из своей земли и поселился, вероятно, как говорит Длугош, на берегах Балтийского моря, назвав свое новое отечество по своему имени – Пруссию.

¹³ I. *Скифы и сорматы.* Народ этот происходил от ариев (об ариях см. ниже примечание) и был родствен индийцам. Греческий историк Геродот, живший в конце V в. до Рождества Христова, знал их и писал о них. Некоторое время они поочередно (сначала скифы, а потом сорматы) занимали юг России. II. *Даки* – в III в. жили в нынешней Румынии. Какого они племени – еще до сих пор с точностью не определено. Впоследствии они смешались с римскими переселенцами, и из этого смешения произошли теперешние румыны. III. *Готы* – германского племени. В IV в. жили недалеко от Днепра. Они делились на вестготов и остготов. Первые во время движения гуннов (народ финского племени; остатки их, как кажется, калмыки в Астраханской губернии) пришли на Балканский полуостров, а потом на Апеннинский и, наконец, на Пиренейский, где основали свое государство. Вторые же, то есть остготы, в конце V в. овладели было Италией, но потом погибли в борьбе с греками и

Ближе к истине в своих научных исследованиях о происхождении литовцев подошли: Шафарик, Михелон, Гарткнох, Сестренцевич-Богуш, Чацкий и Нарбут.

Шафарик (знаменитый чешский ученый, род. 1795 г., ум. 1861 г.) в своем сочинении «Старожитности славянские» о происхождении литовцев говорит, что в глубокой древности народ «леты» вышел из Азии и долгое время жил в Европе вместе с греками. От греков леты заимствовали многие мифологические предания, которыми украсили свои первоначальные восточные религиозные верования. Отделившись же от греков, леты перешли на р. Рейн в Галлию, а отсюда они передвинулись на северо-восток и заняли земли между поселениями северных германцев и ляхов (поляков). Вот эти-то «леты», но мнению Шафарика, и были предки нынешних литовцев.

Ученые Михелон, Гарткнох, Богуш, Чацкий и Нарбут¹⁴, желая найти предков литовцев, прежде всего обратили внимание на язык этого загадочного, по их мнению, народа. Изучая язык литовцев, означенные ученые нашли: а) что в нем находятся названия таких предметов, каких литовцы, живя в областях рек Немана, Вислы и З. Двины, не могли создать (люгис – лев, купранугарис – верблюд, безовиани – обезьяна, аузас – золото и т. п.); б) нашли, что язык литовцев в некоторых своих формах склонений, спряжений и ударений сходен с правилами латинских и греческих грамматик; в) нашли, наконец, что мифология литовцев не только сходна с мифологией латинской и греческой, но даже и индусской.

Из всего этого ученые заключили, что колыбель литовского народа нужно искать не в Европе, а в Азии: отсюда народ этот, стали думать вышеозначенные ученые, произошел и там были его предки. Раз задавшись таким предположением, Богуш, Чацкий, Нарбут и другие начали подробно рассматривать исторические события древних времен и старательно следить за выселением народов из Азии. Результатом этих трудов было следующее. В доисторические времена в Азии жили два племени: будины и гелоны; оба они индийского происхождения. Из Азии сначала вышли гелоны и поселились между Дунаем и Донцом, а затем тронулись и будины. Последние шли чрез Кавказ от р. Аракса. На Дону эти два народа встретились и смешались. От смеси-то этой и произошли предки нынешних литовцев.

Но еще более приблизились к истине, если только не окончательно решили вопрос о происхождении литовцев, два ученых: немецкий (из Австрии) Шлейхер и русский Гильфердинг (известный славянофил, умер недавно).

Шлейхер в 1862 г. отправился к литовцам, пробыл там два года, изучил их язык, а также нравы и обычаи; написал литовскую грамматику и хрестоматию и затем, в одном из сочинений своих, прямо заявил, что литовцы, подобно всем индоевропейским народам: кельтам, грекам, римлянам, германцам и славянам, произошли от ариев. В глубокой древности литовцы, по мнению Шлейхера, вышли из Азии вместе с германцами и славянами. Эта индоевропейская ветвь, по выходе из Азии, распалась на три части: сначала отделились от славян германцы, а потом и литовцы.

Русский ученый А.О. Гильфердинг, соглашаясь с основательными исследованиями Шлейхера о происхождении литовцев от ариев и выходе их в Европу вместе с славянами и

лангобардами (немецкого племени).IV. *Алланы* – германского племени. В конце IV в. жили на Пиренейском полуострове; там их в V в. истребили вестготы.V. *Кельты* – народ арийского племени (см. ниже примечание) и раньше других индоевропейских народов пришли в Европу. За несколько сот лет до Рождества Христова они населяли нынешнюю Францию, Англию, Ирландию, Северную Италию и другие страны. Делились на две ветви: галльскую и кимрскую. За 300 лет до Рождества Христова они разрушили Рим. Остатки их теперь живут в Ирландии, Шотландии и во Франции (в Бретани и Провансе). Нравы и язык их теперь все более и более уступают нравам и языку господствующих народов. Прежде басков (жителей Сев. Испании) причисляли к кельтам, но теперь оказалось, что народ этот или финского племени, или семетического.

¹⁴ Михелон – писатель начала XVIII в. Он написал сочинение «О нравах литовцев, татар и русских» (см. «Вести. 3. России» за 1864 г.).Сестренцевич-Богуш был католич. митрополитом в западнорусских областях; умер в конце XVIII в.Чацкий – знаменитый польский ученый, умер в 1813 г. В начале этого столетия он был ректором Кременецкого лицея.Нарбут: 1784–1864 гг. Он был инженер русской службы; в 1809 г., во время похода русских войск в Финляндию, получил контузию и вышел в отставку. Он написал историю Литвы в девяти томах.

германцами, прибавил, что язык современных литовцев ближе всех индоевропейских языков стоит к первобытному пастушескому языку арийскому, от которого произошли все языки индоевропейских народов; ближе даже, чем язык греческий, на котором за 1000 лет до Рождества Христова написана «Илиада» Гомера. Вот подлинные слова Гильфердинга: «Благодаря сравнительной лингвистике и мифологии мы теперь проникаем в древнюю азиатскую родину нашу, где предки греков, албанцев, итальянцев, кельтов, немцев, литовцев, славян составляли один народ с предками индусов и персов; мы восстанавливаем древний общий язык, древний пастушеский, но уже не совсем чуждый земледелия; быт этого арийского народа, когда он еще совмещал в себе многочисленные семьи, которые, расселившись в Европе и части Азии, стали во главе человечества и все более и более овладевают пространством земного шара. А между всеми арийскими племенами Европы племя литовское оказывается, судя по языку, наиболее близким к своему первоначальному, доисторическому типу. Нынешняя речь литовского крестьянина во многом более первообразна, чем язык древнейшего памятника Европы, чем язык Гомера. Она значительно оскудела, но менее всех изменилась в коренных звуках и формах: это обломок старины доисторической между поколениями молодых языков, подобно тому, как среди тех же литовских лесов уцелел в зубре единственный представитель доисторического царства европейских животных».

Наконец, современные ученые, ученые, так сказать, наших дней, продолжая филологические исследования над литовским языком, нашли, что язык этот не только ближе всех индоевропейских языков к языку арийскому, но старше всех их и при этом заключает в себе такие особенности своего прародителя (арийского языка), каких не имеет, по своей молодости, ни один из индоевропейских языков. А если так, то, значит, литовцы раньше всех индоевропейских народов отделились от ариев и прежде всех пришли из Азии (если только Азия действительно есть родина ариев) в Европу, то есть сначала пришли в Европу литовцы, а потом уже кельты, греки, римляне, германцы и славяне.

Итак, литовцы произошли от ариев, в Европу влились раньше всех индоевропейских народов, и язык их ближе всех стоит к арийскому языку. Это последнее слово науки о происхождении литовцев¹⁵.

¹⁵ *Примечание I.* К северо-западной оконечности гор Гималайских примыкают исполинские горные цепи Балор-Таг. Эти горные цепи соединением своим образуют горную равнину Памир, или «Террасу мира» (отсюда берет свое начало р. Амударья). За три тысячи лет до Рождества Христова на этой террасе жил пастушеский народ, который называл себя «ариями» (отличными). От этого пастушеского народа произошли следующие народы: литовцы, кельты, греки, римляне, германцы и славяне, или так называемые индоевропейские, а также и древние: мидяне, персы и зендские народы, то есть бактрияне, сугдиане, гедрузиане и другие, и, наконец, от ариев произошли и нынешние индусы (жители Индостанского полуострова). Последние, то есть индусы, из всех арийских народов самый замечательный народ по своей древней литературе и по тому языку, на котором она написана. Отделившись от ариев, они сначала поселились на р. Инд, а потом переехали на р. Ганг, где и остановились. Тут индусы основали многие государства и достигли высокой степени своего умственного развития. На берегах Ганга народ этот говорил так называемым санскритским языком. Язык этот отличался изобразительностью, полнотою, благозвучием; его склонения, спряжения выработаны богаче и разнообразнее греческого; а его правила благозвучия, словообразования и словосочетания доказывают такое грамматическое искусство, которое приводит в изумление. Этот язык перестал быть народным и умер еще за 300 с лишком лет до Рождества Христова. Но памятником его остались священные книги индусов «Веды» (их четыре) и книга законодательств «Ману». Книги эти написаны за 1000 лет до Рождества Христова, а некоторые части их даже еще раньше. И вот европейские ученые благодаря этим книгам и санскритскому языку, на котором они написаны, восстановили тот первобытный язык, на котором говорили арии, когда жили на возвышенностях Памира. Из него-то они увидели, что самые древние народы, отделившиеся от ариев, есть индусы и литовцы, а потом уже следуют кельты, греки, римляне и другие. Таким образом, оказывается, что литовцы родные братья, так сказать, индусам по происхождению. И действительно так. В то же время видно, что современный литовский язык очень близок к санскритскому. Некоторые из ученых составляли фразы на санскритском языке, предлагали их нынешним литовским крестьянам, живущим на р. Немане, и те понимали. *Примечание II.* В настоящее время есть ученые, которые говорят, что родина индоевропейских народов не Азия, а Европа. Одни из них указывают на Германию, как на родину индоевропейских народов, другие – на Кавказ, третьи – на среднее течение Волги и т. д. А есть даже и такие, которые полагают, что родина индоевропейских народов есть Гродненская губерния, именно Пинские болота. См. сочинение немецкого ученого Пёше «Антропологические исследования об арийцах» 1878 г., а также журн. Минист. нар. проев, за 1886 г., август, статья О.И. Кеппена «Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и фино-угорского племени».

После этого естественно следует вопрос: за сколько лет до Рождества Христова литовцы вышли из Азии и под каким именем явились в Европу? Ответить на этот вопрос мы, конечно, не можем. Скажем одно только, что это было очень давно, более чем две тысячи лет до Рождества Христова.

По выходе из Азии литовцы, как нужно полагать, скоро заняли ту местность, где теперь живут и где их застала история: иначе они затерялись и погибли бы во время переселения других народов, потому что всякая другая местность в Европе представляла открытую дорогу для движения племен.

Может быть, литовцы не добровольно заняли эту суровую местность, а были оттиснуты туда боковым движением других народов. Но как бы то ни было, только литовцы с незапамятных времен поселились в областях рек Немана, Вислы и З. Двины. А раз попав в эту страну, литовцы и не сочли нужным оставлять ее: она давала им обильную пищу в дичи, рыбе и спасала от вторжения соседей.

Заняв страну, удаленную от большой дороги народных движений, страну, защищенную дремучими лесами, непроходимыми болотами, могучими реками, литовцы спокойно смотрели на переселение народов, спокойно пропускали их около себя и не принимали никакого участия в тех страшных кровавых драмах, которые так часто разыгрывались среди Европы во время всеобщих народных движений от столкновения племен!

Проживши тысячи две лет, а может быть, и более, в тиши и спокойствии, литовцы так привыкли к своей уединенной и замкнутой жизни, что когда уже кончились народные движения и в соседстве с ними образовались государства, они все-таки не хотели выйти из своего, раз принятого, положения. И этим, как нам кажется, объясняется то, что литовцы до XI в. почти никому не известны или, по крайней мере, весьма мало.

Древние известия о литовцах у иностранных писателей. До начала XI в. у иностранных писателей о древних литовцах мы находим весьма мало известий. Притом эти известия отличаются еще неточностью и неясностью. Вот эти известия:

1. Географ II в. Птоломей, перечисляя народы, населявшие Сарматии (то есть восточную часть Европы), между прочим, сообщает, что по берегу Балтийского моря жили два народа: голинды и судены. В этих двух народах ученые видят литовцев, принадлежащих к племени пруссов. Мнение свое они основывают на сообщении Петра Дюсбурга¹⁶, который говорит, что голиндами и суденами назывались два прусско-литовских племени.

2. Писатель VI в. Иорнанд в сочинении своем «История готов» говорит, что когда готы переходили из Финляндии к берегам Вислы, то при устье этой реки покорили народ «видирваров». А в этих «видирварах» ученые видят одно из литовских племен, именно пруссов.

3. Во время Великого переселения народов ученые видят литовцев в лице герулов. Мнение о тождестве обоих народов основано на следующих доказательствах: а) герулы в V в. жили на берегах Балтийского моря, где впоследствии нашли литовское племя; б) обычаи герулов, описанные средневековыми писателями, представляют большую аналогию с обычаями литовцев: так, у обоих народов мертвых сжигали на костре, приносили человеческие жертвы и т. д.; в) самое имя герулов есть литовское слово – «герулись», обитатель лесной страны; г) но самое убедительное доказательство представляет найденная в XV в. на герульском языке молитва Господня «Отче наш», после исследования которой оказалось, что она написана на литовском языке.

4. Норвежский путешественник Вульфстан, живший в конце IX в., в своем сочинении «Путешествие норвежца Вульфстана» говорит, что восточные берега Балтийского моря, где протекает Висла, заселены эстами, то есть народом восточным; то же самое повторяется и в

¹⁶ Дюсбург – священник Прусского, или Тевтонского ордена. Он написал о своем ордене хронику. Довел ее до 1326 г. Умер около первой половины XIV в.

сочинении «Описание Германии», приписываемом английскому королю Альфреду Великому (ум. 901 г.). Ученые также видят в этих эстах литовцев (тоже пруссов)¹⁷.

Вот и все те сведения, которые мы находим у писателей, живших до XI в.

Только с XI в. эти отрывочные и неясные известия о литовском племени заменяются свидетельствами более подробными, указывающими на близкое знакомство писателей с этим племенем. Подробностями этими мы, прежде всего, обязаны двум миссионерам, проповедывавшим христианство в Пруссии в первой четверти XI в., святому Войтеху и святому Вруну¹⁸, а затем русскому летописцу Нестору.

¹⁷ В двух вышеозначенных памятниках упоминаемые эсты (прусы) ясно отличаются от славян (венедов), живших в соседстве с ними.

¹⁸ Об этом см. ниже.

Религия древних литовцев

Происхождение религии древних литовцев и сходство ее с религиями зендов, индусов и греков. Благодаря своему уединенному положению и весьма долгому пребыванию в этом положении литовцы дольше всех индоевропейских народов сохранили свою первобытную цивилизацию и широко развили и обработали свою религию.

Как потомки древних арийцев, литовцы, подобно всем индоевропейским народам (кельтам, грекам, римлянам, германцам и славянам), вынесли свои основные религиозные верования из Азии. Но так как они, по выходе из Азии, впоследствии заняли страну, покрытую могучими реками, дремучими лесами, а также огромными озерами и бездонными болотами, то со временем к своим прежним религиозным верованиям арийским прибавили новые верования соответственно этой окружающей природе. Сюда относятся: поклонение богу зайцев и богу медведей, обожание оленей, змей (ужей собственно), лягушек, ящериц, дуба и вообще всех старых деревьев. Но несмотря на эти прибавки, литовцы, благодаря долгой и уединенной жизни в стране, по своим физическим условиям малодоступной для соседей, сохранили религиозные верования своих предков ариев в более чистом и первобытном виде, чем остальные индоевропейские народы. Литовцы, имея общий корень, по своему происхождению, с кельтами, греками, римлянами, германцами и славянами, в своих философско-религиозных воззрениях на мир вообще и человека в частности и в мифологических преданиях сохранили много общего с подобными воззрениями и мифологическими преданиями означенных народов.

Философско-религиозные воззрения древних литовцев на мир вообще и человека в частности. По понятиям древних литовцев, мир существует искони. Он есть воплощение самого божества. В каждом предмете мира видимого, в каждом явлении физической природы, грозном или благодетельном, литовцы видели присутствие божества. Проявление этого божества в мире, по понятию литовцев, обнаруживается под видом двух начал: доброго и злого. Оба эти начала ведут между собою вечную борьбу, конец которой – торжество первого начала или доброго¹⁹. Доброе, прекрасное и благородное проистекает от доброго начала; злое, нечестивое и вредное – от злого начала. Истина и закон у литовцев означали одно и то же. Закон существует искони, он есть олицетворенная истина. Закон нельзя было создать, а только отыскать. Обычай был уважаем как память минувшего; от этого даже порок, под видом обычая, был терпим. Подобно древним грекам, литовцы верили в предопределение или судьбу. Судьбе этой, говорили литовцы, подчинены не только люди, но даже и боги.

Самый грех человека литовцы считали не следствием злой воли сего последнего, за который он должен был бы отвечать, а результатом предопределения: «кто согрешил, тот не мог не согрешить», говорили литовцы²⁰.

Силы души почитались у литовцев – разум, память, воображение, внимание, остроумие (последнее подчинялось разуму). Способности и наклонности получались с рождением, в противном случае не было возможности получить их ни трудом, ни усилием, ни опытом жизни. Таковы в общих чертах философско-религиозные воззрения литовцев на мир вообще и человека в частности. Они, очевидно, много имеют сходного, с одной стороны, с воззрениями зендов и индусов, а с другой – с воззрениями индоевропейских народов.

Мифология древних литовцев. Литовцы, подобно древним грекам, имели у себя богов, полубогов, богинь, нимф и героев. Литовские боги, полубоги, богини и нимфы (не

¹⁹ Воззрения эти совершенно сходны с воззрениями индусов и зендов. Индусы представляли мир воплощением Браммы. Зенды признавали в мире борьбу двух начал; доброго – под именем бога Ормузды и злого – под именем бога Аримана.

²⁰ *Примечание.* Но несмотря на это, они, как увидим в своем месте, все-таки ожидали наказания в загробной жизни за порочную жизнь и награды за добродетельную.

говоря уже о героях), подобно греческим, имели, так сказать, житейскую деятельность (если не все, то многие из них), то есть о многих из них составлены были литовцами более или менее пространные мифы, в которых изображается та или другая деятельность бога, богини или нимфы.

Подобно всем арийским народам, литовцы обожали силы природы: солнце, луну, звезды, огонь, воду, гром, молнию и т. д. Солнцу поклонялись они под именем вечного огня, горевшего пред некоторыми идолами, а другим силам природы – под видом некоторых животных и разных гадов, а также и людей в истуканных изображениях.

Главные литовские боги

Промжимас (Прокоримос). Он управляет судьбою людей на земле и судьбою богов на небе. Обитает в небесном пространстве, окруженном садами.

Оккапирмас (Оккас). Это самый высший бог: создатель вселенной. Он называется предвечным. Около 25 декабря ему совершалось празднество. В народе этот бог не пользовался популярностью; многие литовцы даже и не знали его.

Перкун. Бог этот был самый популярный и уважаемый литовцами. Это единственный бог, имя которого повторяется во всех списках литовских богов. Изображали его в виде человека средних лет, с крепкими мускулами и с поднятой вверх рукой, в которой был камень; голова его увенчана была ореолом из пламени или лучей света; борода всклокочена, цвета огненного. Ему посвящен был один день в неделю – пятница. Жрецы каждый день приносили ему жертвы. Главный литовский первосвященник Криве-Кривейто имел его изображение на своем парадном платье.

Потримпос. Изображался в виде цветущего юноши (а иногда в виде ужа, свившегося спиралью с человеческою головою); пред его изображением стоял сосуд с водою, в котором плавал священный уж. В жертву этому божеству приносили плоды, молоко, воск и благовония; из человеческих же жертв – исключительно детей. Ему приписывалось господство над водами и управление плодородием. Потримпос также покровительствовал мореходам и внушал храбрость на войне. Божество это было воплощением влаги, плодородия и юношеской силы.

Поклюс (Пекло). Его изображали в виде седобородого, бледного и тощего старика с повязкою на голове из белого полотна. Он почитался распорядителем смерти, властелином преисподней и распределителем участи в загробной жизни; он посылал на землю повальные болезни. В случае, если после похорон покойника родственники не принесли жертвы Поклюсу, то, по установившемуся верованию, он являлся в дом и наводил на всех ужас; умиловить его можно было принесением в жертву или кого-нибудь из домашних лиц, или кровью вайделота, которую тот в небольшом количестве должен был выпустить на домашний очаг из собственной руки. Поклюс составлял олицетворение всех сил вредных для человека: холода, бури, разрушения, старости и смерти.

Поклюсу приносили в жертву головы убитых людей и животных. Перед ним всегда лежало три черепа: человека, коня и быка.

Три последних бога, то есть Перкун, Потримпос и Поклюс составляли как бы литовскую священную троицу. В главном литовском святилище Ромове они всегда стояли вместе: Перкун в середине, Потримпос – справа, а Поклюс – слева.

Кавас – бог войны. Его изображение находилось на военных знаменах. Вороной конь и черный петух – символы сего бога. Ему посвящен был месяц март. Литовцы Кавасу молились, когда отправлялись на войну.

Земеникас, или Курко. Один из популярных богов. Он считался богом плодородия и домоводства. В честь его при капищах содержали ужей и кормили молоком. В жертву ему

приносили начатки плодов, рыб и зверей. Его главное капище было в Пруссии в Гейлигенбейне, где перед ним горел неугасимый огонь. Молитвы к Курко писались на военных хоругвях.

Рагутис. Бог веселья и пьянства. В честь его устроили пиры. Главное капище в XIV в. находилось в Вильне, где теперь Пятницкая православная церковь.

Кауки – это были маленькие второстепенные божества. Они, по верованию литовцев, всегда ютились в домах, если хозяева были для них хороши, что выражалось принесением им в жертву беленького плащика, который закапывался хозяйкою в землю около дома. Кауки своим почитателям обыкновенно приносили в дар разные предметы и клали их в сени. В жертву им приносили свиные кишки, начиненные мукою, смешанною с кровью. Клали их ночью на том месте, где был зарыт плащик.

Литовские богини

Перкунателе – жена Перкуна. Она управляла течением солнца. Вечером, когда то, запыленное от дневного путешествия прахом земли, возвращалось домой, Перкунателе погружала его в морскую купальню и, вымывши утром, снова выпускала ясным.

Литовцы молились ей, чтобы упростила Перкуна пощадить их поля от града, бури и проливных дождей.

Праурима. Одна из популярнейших литовских богинь. Символом ее был огонь, а потому он вечно пылал в ее капище, при котором всегда проживали вайделотки для поддержания этого огня.

Ладо. Литовцы представляли ее девушкою чудной красоты: с белокурыми волосами и голубыми глазами. Она олицетворяла красоту и нежность.

В честь ее устраивались увеселения между 25 мая и 25 июня.

Мильда – литовская Венера. Ей молились влюбленные, так как она считалась покровительницею их и олицетворяла любовь. Главное капище ее, говорят, было в саду Гедимины, около нынешней Замковой горы.

Лайма. Считалась покровительницею беременных женщин и новорожденных детей.

Летва – богиня свободы. Ей посвящен был кот.

Веллона – богиня вечности и будущей жизни. Главное капище ее, говорят, было на правом берегу Немана, близ Юрбурга, где до сих пор уцелела деревня Веллона.

Курмина – богиня плодородия и земледелия.

Каралуна – богиня света. Литовцы представляли ее прекрасною черноокою девицею, голова которой увенчана солнцем, а плечи покрыты плащом, усеянным звездами и застегнутым на груди месяцем. Когда шел дождь при свете солнца, то литовцы обыкновенно говорили, что Каралуна плачет.

К богиням высшего разряда литовцы относили и так называемых «парок». В их руках была жизнь людей.

Всех парок было семь:

1. Верпея. Когда рождался человек, то Верпея начинала прясть нить его жизни, на конце которой находилась звезда.

2. Метантея наматывала эти нити.

3. Аудетоя ткала полотно из этих нитей.

4. Гадютая песнями и рассказами старалась усыпить своих сестер, чтобы удобнее испортить работу.

Поэтому постигали разные несчастья и бедствия того, чья ткань жизни попадалась в ее руки.

5. Саргетая вела с Гадютаей беспрестанную борьбу, чтобы препятствовать ей делать зло.

6. Нукиритая пересекала ткань жизни, и звезда, прикрепленная к нити этой ткани, срывалась и гасла в воздухе, а человек, к которому относилась эта ткань, умирает на земле.

7. Ишкалетая, последняя парка. Она брала отрезанную ткань, мыла ее и шила рубашку умершему, которую тот носил в загробной жизни.

Этим богиням были посвящены камни на берегах рек. Каждый житель имел свой отдельный камень, на котором приносил им дары. По верованию литовцев, парки каждую лунную ночь собирались на берегу реки, садились на камни и там начинали свою работу.

Культ животных и растений. Литовцы, подобно всем языческим народам, обожали зверей, пресмыкающихся, гадов и неодушевленные предметы, отличающиеся древностью или громадностью своею. Так, они обожали, как мы уже заметили раньше, медведей, зайцев, оленей, ужей²¹, жаб, старые деревья, особенно дубовые, и разбитые громом. У них были священные и заповедные рощи, которые под смертною казнию запрещено было рубить, и даже преступники, скрывшиеся в этих рощах, оставались неприкосновенны. Были также и священные горы, на которых литовцы воздвигали капища и жертвенники.

Ромове. Это было главное святилище литовцев, при котором находился великий первосвященник Криве-Кривейто (судья судей). Сюда в торжественных случаях стекались жители всех областей, занимаемых литовскими племенами. Святилище это, или Ромове, как его литовцы называли, было устроено таким образом: сначала жрецы отыскивали обширную равнину, которая бы примыкала к соединению двух рек и покрыта была дубовою рощею; затем выбирали дуб самых огромных размеров, и притом имеющий три ствола вместе сросших²²; потом дуб этот окружался каменною стеною с одним входом; далее, под дубом ставили три истукана: Перкуна,

Потримпоса и Поклюса, а перед ними воздвигался алтарь с углублением, в которое жрецы накладывали дубовые дрова и возжигали огонь от искры, добытой из кремня, находившегося в руке Перкуна. Огонь этот день и ночь горел и составлял постоянную жертву Перкуну. Наконец, за дубом устраивалась пещера, куда помещали священных гадов: змей, ужей и лягушек. Таково было устройство Ромове.

В первый раз Ромове исторически делается известным в начале XI в. Открыто оно в Пруссии, в области Натангии, между устьями рек Вислы и Прегеля. Открыл его польский король Болеслав Храбрый. Этот король в 1010 г., желая наказать литовское племя пруссов за убийство миссионеров, вошел с войском в их страну, проник до самого святилища Ромове, разорил его до основания и убил самого первосвященника, или Криве-Кривейто. После этого литовские жрецы перенесли Ромове к устью р. Дубиссы (приток Немана), а потом в город Кернов и, наконец, в Вильну. Тут оно существовало до крещения литовцев Ягайлой в 1387 г.

Там, где в настоящее время в Вильне находится костел Св. Станислава (католический кафедральный собор), пятьсот лет тому назад было последнее пребывание главного литовского святилища Ромове. Здесь на долине, покрытой дубовою рощею и носившей название «Долины Свенторога», построен был и храм; по известию некоторых писателей, он имел в длину 150 арш., в ширину 100, в высоту 15. Храм был без крыши и без пола, с одним входом с западной стороны. Недалеко от входа к храму примыкала башня, которая оканчивалась небольшою площадкою; отсюда Криве-Кривейто возвещал народу волю Перкуна²³. На восточной стороне храма (противоположной входу), примыкая к стене, стояла часовня, внутри которой хранились дорогие вещи, употребляемые при богослужениях. Под часовнею устроена была пещера, в

²¹ Многие семейства держали у себя ручных ужей и кормили их молоком, как священных животных.

²² Дуб, состоящий из трех сросших стволов, считался у литовцев самым священным; от этого произошло, как мы уже заметили выше, и самое название Ромове.

²³ Говорят, что башня эта находилась на том месте, где теперь колокольня, принадлежащая костелу Св. Станислава.

которой помещались священные животные: лягушки, змеи и другие гады. Над часовнею сооружена была обширная галерея; в галерее помещался жертвенник, а на жертвеннике устроено углубление, в котором день и ночь пылал священный огонь. Позади жертвенника и пылающего огня в каменной нише стоял истукан бога Перкуна, привезенный из Палангена.

Литовские жрецы

Из всех индоевропейских народов едва ли кто выработал у себя (за исключением разве кельтов) такую стройную, крепкую и могучую в народе жреческую иерархию, какую выработали литовцы в древности²⁴. Литовские жрецы не составляли замкнутой касты (как и вообще в Литве не было каст), – это было сословие, в которое мог всякий поступить, если пожелает Криве-Кривейто.

Высшие жреческие должности получали лица, выбранные жрецами из своей среды, и утверждались Криве-Кривейто, а низшие – переходили по наследству. Литовские жрецы, смотря по деятельности, им присвоенной, делились на многие классы так: жрецы «криве» были охранителями священных предметов; «кривуле» – судьями; «вайделоты» – учителями народа и докторами; «лингуссоны» и «тилиссоны» – погребали умерших; «брутаники» (литовские барды) – пели и т. д. Каждый класс жрецов имел особую одежду или какой-нибудь отличительный знак. Во главе этой стройной иерархии стоял великий первосвященник, Криве-Кривейто (судья судей).

Криве-Кривейто. Он постоянно находился при Ромове; его окружала коллегия старейших жрецов, называемых криве. Уважение и влияние, которыми пользовался Криве-Кривейто, были весьма значительны. Петр Дюсбург следующими словами определяет значение этого первосвященника: «В Ромове живет лицо, называемое Криве-Кривейто, которого жрецы почитают, как своего папу; ибо подобно тому, как папа управляет всеми верными в христианской церкви, так и его приказанию или мановению повинуются не только пруссаки, но и литвины, и народы, живущие в Ливонии. Авторитет его так велик, что не только он сам или член его семейства, но и всякий посланный с его жезлом, или другим знаком, являясь в пределы какого-нибудь округа неверных, встречает величайшее почтение со стороны старшин и простого народа».

По мнению литовцев, Криве-Кривейто состоял в непосредственном сношении с Перкуном, а потому каждое слово этого первосвященника было непреложною истиною. Кроме первенствующей роли в богослужении, он пользовался значением верховного судьи и главного советника во всех общественных делах. Особа его обставлена была глубокою таинственностью: народу он показывался редко, и тот, кому доводилось видеть первосвященника, считал себя особенно покровительствуемым богами. Символом его власти была палка, состоящая из трех загнутых концов. Писатели XV в. говорят, если эту палку проносили где-нибудь по деревне, то народ падал перед нею на землю.

Криве-Кривейто содержался на счет народа; одежду он имел обыкновенную, но с тою только разницею от прочих, что белым тонким полотняным поясом обвивался 49 раз. Во время жертвоприношений надевал остроконечную шапку с золотым шаром, усыпанным дорогими камнями; на правое плечо клал перевязь с изображением Перкуна.

Криве-Кривейто избирался на всю жизнь вайделотами; он по большей части в старости приносил себя в очистительную жертву богам за весь народ. Предание называет имена 20 первосвященников, добровольно умерших на костре.

Учреждение Криве-Кривейто было очень древнее: писатель XVI в. Симон Грюнау, если верить ему, в своей хронике представил список до 50 лиц первосвященнического звания в их

²⁴ Если только сообщения писателей XV и XVI вв. справедливы.

последовательном порядке. Вот некоторые из них: Брутен, Буден, Марко, Телейно, Яйгелло, Монгайло, Ливойлес (убит Болеславом Храбрым), Бейтонор, Аллепс, бывший до 1265 г. Этот Криве-Кривейто, видя, что рыцари одолевают литовцев, собрал народ и сказал, что победы рыцарей удостоверяют его, что христианский бог сильнее богов литовских, и советовал принять христианство; народ, возмущенный жрецами, хотел его убить; но он, благодаря друзьям своим, бежал к рыцарям и там принял христианство. Из преемников Аллепса замечателен был Лиздейко, который, как говорит предание, найден был ребенком в орлином гнезде около Вильны, где теперь Берки (имение Витгинштейна). Он, по словам того же предания, посоветовал Гедимину построить г. Вильну. Последний Криве-Кривейто был Гинтовт, который пережил крещение Ягайлом литовцев и разрушение Ромове. Он умер при Витовте в 1413 году.

Эварт-криве. Занимал первое место после Криве-Кривейто. О деятельности его ничего не известно.

Криве. Это была целая группа жрецов. Жрецы этой категории заведовали священными местами и начальствовали низшими жрецами. Они избирались вайделотами, а Криве-Кривейто жаловал их палками с двумя кривулями; опоясывались по одежде 7 раз белым поясом.

Кривуле – судьи народа в делах неважных. Символом их власти была палка с одним загнутым концом; палку эту они тоже получали из рук главного первосвященника.

По поручению Криве-Кривейто, а иногда и жрецов криве, кривуле составляли народные собрания; при этом они, по словам писателей, употребляли следующий способ: отдавали свою палку ближайшему жителю, тот передавал соседу и так далее; палка обходила известный круг домов и снова возвращалась к жрецу, и ни один человек не смел оставаться дома: все спешили узнать волю богов.

Вайделоты. Группа этих жрецов более всех известна в древней литовской истории. Деятельность их была разнообразна: они приносили жертвы, наставляли народ, лечили больных и т. п. Одежду носили длинную, отороченную белой полотняною тесьмою, застегивающуюся тремя пуговицами, которые прикреплены были к двум белым шнуркам; пояс имели белый, полотняный, с металлическою пряжкой. Низ платья их обшит был клочками волос животных. При совершении жертвоприношений надевали на голову венок из листьев священных дубов. Если заболел человек, тотчас посылали за вайделотом, который, придя в дом больного, обыкновенно говорил, что если богам угодно, чтобы больной умер, то будет наслаждаться блаженством; затем читал молитвы; если же болезнь затягивалась надолго, то страждущий, по совету жреца, обязывался сделать какой-либо обет, исполнение которого отлагалось до выздоровления, но если и это не помогало, то вайделот употреблял последнее средство: приносил золу с главного жертвенника Ромове и с разными обрядами отгонял болезнь.

Виршайтосы. Так назывались собственно сельские старшины. Они в отсутствие вайделотов, по приглашению народа, нередко совершали жертвоприношения и читали молитвы, причем, подобно вайделотам, клали на голову дубовые венки и опоясывались белым поясом.

Лингуссоны и тилиссоны. Обязанность этих жрецов состояла в совершении погребения умерших.

Швальгоны. Жрецы этой категории совершали браки и решали дела, возникшие по поводу подозрения новобрачной в потере девственности.

Брутаники – литовские барды, воспевавшие героев, павших в битве, и возбуждавшие воинов в сражениях. Песни свои они сопровождали игрою на цитре и лютне.

Поминикос – жрецы бога Рагутиса.

Кроме вышеозначенных категорий литовских жрецов, была еще многочисленная группа так называемых жрецов-предсказателей; группа эта делилась, смотря по предметам, на которых гадали, на пять или на шесть классов; те, которые предсказывали будущее по крику птиц, назывались зольники; а те, которые это делали по дыму и горению свеч, – жваконами; по пене пива – рависами и т. д.

Литовские жрицы. По своей специальности делились на три класса:

Вайделотки. Сюда поступали девицы высших сословий, принявшие на себя обет девственности.

Вайделотки предназначались на служение в капища богини Пра-уримы. Все дело их состояло в поддержании неугасимого огня, который горел пред идолом этой богини. Если вайделотка нарушала обет девства, то ее подвергали одному из следующих трех наказаний: или нагую вешали на высоком дереве, или живую закапывали в землю, или, наконец, зашивали провинившуюся в кожаный мешок с камнями, кошкой, собакой и змеей, везли к Неману на двух черных коровах и погружали в воду. А если по небрежности вайделотки потухал огонь, то ее сжигали, а огонь добывали из кремня, находившегося в руке Перкуна, и жрецы, приползши на коленях к алтарю, разводили священный огонь.

Рагутины – жрицы богини Рагутины. Эти жрицы известны дурною нравственностью.

Бурты – певицы и ворожеи.

Религиозные обряды древних литовцев

Жертвоприношения. Литовцы приносили жертвы богам или с целью очищения совести от грехов, или умилоствления богов, или изъявления благодарности им. Смотря по торжественности случая и по зажиточности хозяина различным божествам приносились в жертву различные предметы: лошади (особенно белые), быки, свиньи, гуси, куры, мед, рыба, плоды (особенно первые) и т. д. Любимую жертвою богов считался козел. Он приносился в каждом селении в конце года и составлял очистительную жертву за грехи. Иноверцы и преступники не допускались, под страхом смертной казни, присутствовать при жертвоприношениях, равно как и при других религиозных обрядах. Но, несмотря на это, некоторым христианским писателям, благодаря знанию литовского языка и обычаев страны, приходилось бывать при тех или других религиозных обрядах литовцев и затем описать их в своих хрониках. Так, между прочим, доминиканский монах Симон Грюнау в 1520 г. присутствовал при совершении козливой, или очистительной, жертвы и подробно описал это торжество в своей летописи. Однажды он, отправляясь гулять, незаметным образом попал в одно селение, где шло приготовление к совершению очистительной жертвы; так как Грюнау хорошо знал литовский язык и обычаи страны, то беспрепятственно был допущен к участию в обряде. Торжество началось проповедью вайделота, излагавшего правила жизни; затем привели козла, жрец положил на него руки и стал читать молитвы, а окружавший народ каяться в грехах; потом вайделот убил жертву и кровью ее окропил присутствующих. После этого все участвовавшие в торжестве поочередно подходили к жрецу и тот каждого из них брал за волосы и потряхивал из стороны в сторону, как бы вытряхивая грехи, а потом все бросились на самого вайделота и в свою очередь стали трепать его за волосы; жрец кричал что есть силы; «по верованию литовцев, – говорит Грюнау, – чем громче будет кричать вайделот, тем полнее боги отпустят грехи всем участвующим при жертвоприношении». В заключение устроен был роскошный пир.

Человеческие жертвы в древней Литве были в большом ходу. Они считались чуть ли не удобнее богам, чем козлиные. Жертвы этого рода всегда совершались при громадном стечении народа и торжественной обстановке. Делились они на добровольные и насильственные. Добровольные жертвы имели значение очистительное, и на нее обрекали себя по большей части больные и увечные или глубокие старики, в этом смысле сжигали себя престарелые Кривейто и родители приносили в жертву Потримпосу больных детей. Насильственные жертвы приносились из военнопленных: обыкновенно, после удачного похода, в жертву богам отдавали на руки первосвященнику треть всей добычи и торжественно сжигали, в знак благодарности, знатнейших пленных. В летописи прусского хрониста Петра Дюсбурга есть несколько свидетельств о существовании этого обычая; так, под 1261 г. он передает следующее известие: в этом году прусское племя одержало значительную победу над крестоносцами; взяли многих в плен и решились одного из них принести богам в благодарственную жертву; с этою целью между пленными бросили жребий, который упал на богатого и благородного гражданина магдебургского Гирцгальса; но тот обратился с просьбою о спасении к одному из прусских старшин – Генриху Монте, которому Гирцгальс сделал много добра, когда сам Монте был в Магдебурге в качестве пленного; по ходатайству этого старшины Гирцгальса действительно освободили от принесения в жертву; поэтому приступили снова к жребию, и жребий снова упал на Гирцгальса; но и на этот раз Монте выручил рыцаря; бросили жребий в третий раз, и жребий в третий раз пал на Гирцгальса. После этого Гирцгальс уже больше не стал просить помилования; пошел добровольно на костер, где и сожжен был во всем вооружении.

Присяга. Древние литовцы для подтверждения своих слов, подобно всем народам, употребляли присягу, которая у них выражалась следующим образом: клявшийся обыкновенно клал свою правую руку на голову тому, кому клялся, а левою касался священного дуба и при

этом произносил слова: «Клянусь Перкуном!» или «Пусть меня пожрет земля!» или, наконец, «Пусть я почернею как уголь, разсыплюсь как прах земной и отвердею как камень!». Во время клятвы часто клали на голову клявшегося кусок земли. По свидетельству немецких хроник, прусские литовцы при произношении клятвы клали правую руку на затылок или на горло, а левой касались священного дуба. Такого рода клятва у литовцев считалась важнее, даже после введения христианства, чем клятва пред евангелием. В XIII и XIV вв. в Литве во время разбирательства дела в суде свидетели, люди достойные доверия, клали пред судьей шапку и говорили: «Как я кладу пред тобою мою шапку, так готов положить и голову в удостоверение правоты моего свидетельства».

Погребальные обряды. Все литовские племена без исключения верили в бессмертие души и, несмотря, по-видимому, на неумолимость греха, ожидали в загробной жизни или награды, или наказания. Награда ожидает того, говорили литовцы, кто без ропота покоряется судьбе, наказание – того, кто дерзает противиться ей. Грех мог быть искуплен, по мнению литовцев, принесением в жертву самого себя или предмета дорогого сердцу. Самым страшным наказанием почиталось осуждение души человека на ничтожество²⁵. В противном случае человек улетал на небо или оставался невидимо на земле, не переставая быть вечным²⁶.

Самый распространенный обряд погребения литовцев состоял в сожжении трупа покойника. Для этой цели обыкновенно устраивали костер, на котором, по словам Дюсбурга, Длугоша и летописи, так называемой Быховца, вместе с умершим сжигали все те вещи и предметы, которые он любил в жизни или которыми занимался в ней. Так, с воином сжигали: боевого коня, саблю, пику, лук, стрелы, щит и вообще все те оружия и воинские доспехи, которые покойный употреблял при жизни. Но кроме этого с покойником иногда сжигали его жену и некоторых слуг. По словам тех же писателей, сжигание с покойником употребляемых им при жизни предметов, а также и любимых лиц совершалось ввиду того, что он со временем воскреснет и вступит в то общественное и семейное положение, которое занимал в настоящей жизни.

Сжигание трупа умершего совершалось на третий день. При этом обряде всегда присутствовали жрецы-тилуссоны. Они выносили покойника из дома, пели на пути до костра молитвы, а около костра говорили поучения, в которых прославляли дела умершего.

После сожжения тела покойника прах его собирали в горшки или гробы и закапывали в землю, насыпая на нем курган, или ставили у дороги; около сосуда с прахом клали подарки: пищу, питье, деньги и т. п. Сосуды эти и поныне находят при раскопках всех старых литовских курганов. На 6, 9 и 40-й день после смерти покойника устраивали поминки. Во время таких угощений все сидели молча и ели, не употребляя ножей. При начале каждого кушанья жрец читал молитву, брал рукою часть пищи и бросал под стол, то же делал и с напитками, думая, что душа умершего пользуется брошенным. Если же что нечаянно упало со стола, то не подымали упавшего, а оставляли для душ, не имевших на этом свете ни родственников, ни друзей, которые бы могли их пригласить на пирушку. По окончании обеда жрец, как главное лицо на пиршестве, вставал из-за стола и, заметая избу, произносил: «Души, вы ели и пили, теперь удалитесь!» После этого начиналась новая пирушка, которая продолжалась далеко за полночь и оканчивалась поголовным пьянством.

²⁵ Подробности последнего верования неизвестны; равным образом неизвестно, откуда литовцы заимствовали его. Правда, у древних индусов подобное верование было, но только оно, как известно, выработано у них Буддой (сыном одного индийского царя) только за 500 лет до Рождества Христова, когда литовцев уже не было в Азии; притом, по учению Будды, осуждение души человека после его смерти на вечное ничтожество (погасание в нирване, пустоте, как говорит Будда) составляет не наказание, а блаженство.

²⁶ Краковский епископ Викентий Кадлубек (ум. 1223 г.) в своей истории Польши говорит, что литовцы веровали в переселение одних душ в тела еще нерожденных детей, а других – в тела животных.

Литовцы веровали в день судный, который, по их понятию, будет в загробной жизни. Местом суда, как это видно из летописи Быховца, будет высокая гора, на которую воссядет сам бог и призовет к себе всех умерших для отчета в проведенной ими жизни на земле. Подойдя к горе, умершие должны будут карабкаться на нее, и при этом кто из них скорее всползет на гору, тот и раньше попадет в блаженную страну, назначенную для праведных. На этом основании литовцы с покойниками всегда сжигали когти барса и когти медведя.

В заключение погребальных обрядов мы должны сказать, что не все литовцы сжигали своих покойников: бедные большей частью зарывали их в землю. Но по верованию литовцев, лица, похороненные по последнему обряду, не наслаждались блаженством в загробной жизни: их на том свете, говорили литовцы, точат черви, жалят пчелы, мучат разные гады и т. д., тогда как покойники, сожженные на костре, пребывают в сладком сне, как в колыбельке.

Свадебные обряды. Древние литовцы смотрели на брак, как на обряд религиозный, а потому и брак у них никогда не совершался без участия жреца и возношения молитвы к богам.

По древнему обычаю у литовцев было одноженство. Впрочем, не запрещалось иметь и несколько жен, особенно у литовцев прусских²⁷. Но первая жена была госпожою в доме, советницею мужа и распорядительницею всего хозяйства, а взятые после, преимущественно из пленниц и купленные у бедных, считались невольницами, не допускались к столу, исполняли все тяжелые работы и как имущество подлежали разделу между наследниками²⁸. Князья, свято хранившие древние обычаи страны и не желая служить соблазном для своего народа, всегда имели по одной жене.

Брак совершался по большей части по любви, а не по принуждению; в этом отношении литовцы выше стояли многих народов того времени. Если же родители по каким-либо причинам не соглашались на брак, то дети сами его устраивали, и родители по обычаю страны не имели права расторгать его. Нередко случалось, что жених увозил невесту, и родители тоже не имели права мстить жениху, если только тот действительно вступал с нею в законный брак, в противном случае месть дозволялась в широких размерах: мстили не только виновнику похищения, но и всем его родственникам.

Из степеней родства только 1-я и 2-я степени не позволяли вступать в брак, и даже пасынки имели право жениться на мачехах. Если же умирала жена и оставляла мужа бездетным или, наоборот, умирал муж и оставлял жену бездетною, то оставшиеся в живых обязаны были вступить в новое супружество для продолжения рода. Если жена при жизни мужа нарушала супружескую верность, то ее сжигали на костре, так же поступали и с мужьями.

Как сватовство совершалось у древних литовцев, мы не знаем. Знаем только то, что невеста, после сговора, постоянно сидела дома и занималась домашнею работою, то же самое и жених делал; они даже редко виделись между собою.

Накануне брака подружки невесты с вечера собирались к ней в дом, садились за стол и начинали петь заунывные песни, в которых обыкновенно оплакивали близкую потерю девичества, а затем обращались ко всем животным и вещам в доме с вопросами: кто после за ними будет ухаживать? В заключение обращали вопрос к домашнему очагу: кто будет его поддерживать, чтобы отец и мать могли при нем согреть свои одряхлевшие члены?

Около полуночи, когда уже все обычные песни бывают пропеты, невеста вместе с подругами выходила из родительского дома, садилась в приготовленные повозки и ехала к жениху. На рубеже селения жениха ее встречал посланный, держа в одной руке горящую головню, а в другой – кубок пива. Он останавливал поезд, подходил к той повозке, где сидела невеста, обходил ее кругом три раза и говорил: «Не плачь, вот священный огонь, как ты его берегла дома,

²⁷ На этом основании Петр Дюсбург и Длугош говорят, что в Литве существовало многоженство.

²⁸ Жены, взятые после первой, были не что иное, как рабыни. Брак с ними, как кажется, совершался без участия жреца и молитвы к богам.

так будешь беречь и у нас!» Потом давал невесте напиться пива, садился на коня и мчался обратно к жениху. Въехавши на двор, посланный спрыгивал с седла, опрометью вбегал в комнату и одним прыжком вскакивал на поставленный посредине комнаты табурет, причем родные жениха замечали: если он исполнял это дело ловко, то есть вскакивал удачно на табурет, то за это получал полотенце, которым покрыт был табурет, в противном случае его били и выбрасывали за дверь, как дурного вестника. Между тем приезжала невеста, вводили ее в комнату, сажали на стул и совершали постриги. А как этот обряд происходил – неизвестно: летописцы не описали его. Вероятно, как некоторые думают, он совершался так, как теперь совершается у литовцев на Жмуди, потому что обряды в низшем классе народа, как справедливо замечает Боричевский²⁹, переходя из поколения к поколению, очень долго остаются без изменения. Нынешние постриги в простом литовском народе совершаются следующим образом: по окончании свадебного обряда новобрачную сажают на квашню, опрокинутую вверх дном; окружают ее подруги и начинают петь песни, в которых оплакивается переход из девической свободы в состояние подчиненности мужу, трудов и забот; затем снимают с головы венки из руты и расчесывают волосы; посаженная мать берет локон волос над левым ухом, продевает его в кольцо, а посаженный отец поджигает восковой свечой; то же самое делается над правым ухом, спереди и на затылке; потом родная мать или хозяйка дома ставит на колени новобрачной тарелку с куском хлеба и кубком пива, посаженные отец и мать, а за ними и все гости, обходят вокруг новобрачной, мужчины бросают в кубок по монете, а женщины покрывают ее куском белого полотна на рубаху без рукавов; после этого новобрачная встает с квашни, обносит кругом ее тарелку с куском хлеба и пивом, потом хлеб кладет на стол, а пиво выливает на порог. Так в настоящее время совершаются постриги у литовского простонародья, так, вероятно, они совершались и в древности³⁰.

По окончании пострига наступало самое время брака: выходил на середину комнаты жрец-швальгон, брал чару пива и давал ее пить жениху и невесте; потом сажал жениха за стол, а невесту три раза обводил вокруг огня; затем брал священную воду и окроплял ею невесту, а также жениха и брачное ложе; после этого он завязывал невесте глаза, губы намазывал медом и говорил краткое наставление, что любопытство и болтливость – несноснейшие пороки в жене, а потому она должна на все смотреть закрытыми глазами, что до нее не касается, и говорить речи сладкие как мед. С завязанными глазами швальгон провожал невесту чрез все двери дома и поминутно осыпал ее маком и мелкими зернами, приговаривая: «Наши боги благословят тебя всем, если ты будешь хранить веру, в которой скончались твои предки, и если за хозяйством будешь смотреть заботливо». По возвращении в комнату жрец снова брал чару с пивом, давал пить жениху и невесте, а затем чару бросал им под ноги, которую те растаптывали на мелкие части, а швальгон произносил: «Такова жертва преступной любви! Пусть же любовь постоянная, истинная, верная и взаимная будет вашим уделом». Все присутствующие повторяли эти слова. Наконец, жрец читал последнюю молитву, разменивал кольца новобрачных и свадебный обряд кончался; начинался пир.

Пред отходом ко сну у новобрачной обрезают волосы и надевали на голову обглай, или завой (род чепчика). На другой день новобрачных кормили куропатками, самыми плодовитыми птицами, чтобы у них было как можно более детей, особенно сыновей³¹.

²⁹ Известный исследователь по древней литовской истории.

³⁰ В настоящее время в некоторых селах и деревнях вместо пострига, как описано выше, снимают только рутяной венок с головы новобрачной, а дружки распускают косы. При этом девицы, находившиеся тут, поют от лица родной матери: Дочка моя, Милая моя! Иди в рутяной садок, Там себе нарвешь, Там себе сплетешь Веночек из зеленой руты. Веночек мой, Зеленый мой! Нет уж тебя на голове. Снимут веночек, Наденут шапочку — Бремя для головки, Горесть для сердца, На всякие заботы; Веночек мой, Зеленый мой, Легок на голове, Веселие в сердце, Нет никаких забот. Упоминаемая здесь рута – желтый цветок, любимый в Литве, эмблема невинности.

³¹ При рождении сына у древних литовцев, как сообщают некоторые писатели, существовал следующий замечательный обычай: в первую лунную ночь после рождения ребенка мать выходила в поле, вырывала из земли корень полынной травы,

который, принеся домой, клала между двумя серыми камнями и выжимала из него сок; затем сок этот смешивала с коровьим молоком и давала пить мальчику, чтобы укрепить его силы для борьбы с невзгодами жизни. Обычай этот существует до настоящего времени в Жмуди. Он напоминает древнюю индусскую жертву «Сома». *Примечание.* «Сома» – был медосладкий напиток, который древними индусами в качестве жертвы приносился богу Индре (Индра был самым главным богом индусов, когда они еще жили на р. Инд, то есть скоро после отделения от ариев). Бог Индра, по верованию древних индусов, пил «Сома» с целью получить больше силы для борьбы с злыми духами. Напиток «Сома» готовился следующим образом: индусские жрецы в одну лунную ночь с жезлами в руках и золотыми кольцами на пальцах, при пении священных гимнов, шли в горы и там собирали какое-то горное растение; отрезывали корни, очищали листья, клали стебель между двумя камнями и растирали его; затем массу эту терли на золотом сите и опускали в золотой сосуд, куда вливали молоко от семи коров, трижды подоенных. После этого ставили сосуд в теплое место, чтобы произошло брожение. Через несколько дней напиток был готов.

Мифические предания древних литовцев

Подобно древним грекам, и древние литовцы имели у себя предания как о деятельности богов и полубогов, так и о деятельности героев. Правда, предания литовцев далеко уступают преданиям греков и по своему количеству, и по своему богатству фантазии; но тем не менее и у литовцев их достаточно числом и литовские предания обнаруживают немалую силу творческой фантазии. Вот некоторые из них.

Миф о солнце. Солнце в древней литовской мифологии представлялось под именем богини-красавицы, которая каждое утро в колеснице, запряженной тремя конями: серебряным, золотым и алмазным, проезжает над землею³². Дворец солнца находится на востоке. Две звезды – Аушринне и Вакаринне (денница и вечерница) – принадлежали к придворному штату солнца и были прислужницами его: они раскладывают ему огонь, подают воду и стелют постель.

Солнце, по словам мифа, в древности было женою месяца, но когда неверный супруг стал ухаживать за румяной денницей, то Перкун, не терпя вообще скандалов на небе, схватил меч и рассек его на части.

Миф о потопе. Промжимас (бог судьбы) очень любил людей и постоянно заботился о них, но вдруг узнает, что между ними воцарилось зло: стали происходить разбои и разного рода злодейства; тогда он решил наказать их, особенно злых исполинов, которые постоянно подбивали людей на зло; он послал на землю двух ангелов: Ванду и Вейю, то есть воду и ветер, которые в продолжение 40 дней затопили всю землю и истребили все живущее на ней; осталась только небольшая горсть людей и животных, которые теснились на одной высокой скале и от страха не знали, что делать. Промжимасу жалко стало их; он, шелкая орехи, бросил им с неба скорлупу; те вскочили в нее и долгое время носились по бушующим волнам, пока спала вода; затем они остановились в местности, где теперь живут литовцы, размножились и разбежались парами по всему свету, а тут осталась только одна пара, да и та дряхлая, от которой нельзя было ожидать потомства; но бог сжалился над нею и посоветовал ей скакать чрез кости земли, то есть камни. Мужчина перескочил девять раз – явилось девять юношей, женщина перескочила девять раз – явилось девять девиц. От них, заключает миф, и произошли девять литовских племен³³.

Миф о богине Лайме. Лайма в литовской мифологии причислена была к разряду высших богов. Она обитала на небе в дворце, окруженном великолепным садом. Эта богиня часто любила выходить на балкон своего дворца и сидеть в золотом кресле. Однажды она, после сытного обеда, расположилась на своем обычном месте и от нечего делать стала смотреть на землю – и вдруг увидела там молодого, стройного и прекрасного юношу, который так ей понравился, что она воспылала к нему любовью и немедленно сошла на землю. Результатом этого путешествия богини к смертному было рождение сына, которого она назвала Мейтусом и скрyla его в потаенном месте. Но о поступке ее узнал Оккопирмос (предвечный) и, пылая гневом, что богиня вступила в преступную связь с смертным, наказал и сына, и мать: первого он, схвативши за ноги, забросил в самое отдаленное небесное созвездие, а у второй отрезал сосцы и, искрошив их на мелкие части, рассеял по земле.

Миф о богине Курмине. На берегу реки Росси, в роскошных золотых палатах, жила царица Курмина, у которой была дочь Нейола, девица редкой красоты. Нейола страстно любила цветы и каждое утро выходила на берег реки собирать их. Однажды она, подойдя к Росси,

³² У зендов был похожий миф: народ этот обожал солнце под именем бога «Митры», который жил на востоке и выезжал оттуда в блестящей колеснице, запряженной четырьмя белыми конями. Его индусы считали богом правды. Ему посвящены были белые кони и именем его клялись цари. В честь этого бога пред войском возили пустую колесницу, запряженную шестью белыми конями.

³³ Подобный миф существует в греческой мифологии о Дивкалионе и Пирре.

увидела посреди ее прелестную розу; девушка недолго думая сбросила обувь и отправилась за цветком, так как в этом месте вода была мелка. Но едва она дотронулась до него, как под ее ногами раскрылась земля и бог ада Поклюс, схвативши ее, утащил в подземное царство, где вступил с нею в брак.

Между тем Курмина, не видя долго дочери, сама отправилась на берег за нею, но там нашла одну только обувь: мать догадалась, что дочь похищена каким-нибудь владетельным князем окрестных стран и отправилась отыскивать. Долго богиня путешествовала: обходила сотни городов и тысячи селений, а дочери все-таки не нашла, но зато она научилась от людей, как обрабатывать поля и сеять хлеб, и эти свои познания, возвратившись на родину, сообщила подданным. Но когда те стали истреблять леса под пашни, то нашли в одном болоте камень, на котором рукою бога Промжимаса написана была неизменная судьба Нейолы; прочитав надпись, Курмина обратилась к Поклюсу и просила его отпустить дочь на свидание; Поклюс отпустил: Нейола вышла к матери с своими детьми, провела с нею несколько лет, а потом снова удалилась в подземное царство³⁴.

Миф о богине морской Юрате. В самой глубине Балтийского моря в древности стоял великолепный дворец из чистого янтаря. В этом дворце жила богиня Юрата, которая питалась особого рода рыбою. Но вдруг она узнает, что эту самую рыбу стали люди ловить. По этому поводу морская владычица из своих придворных составила совет; на совете положено было: заманивать рыбаков на морское дно и тут предавать их смерти. Но не прошло и года после этого постановления, как сама Юрата влюбилась в одного рыбака и устроила с ним постоянное свидание на берегу моря. Но это недолго продолжалось: скоро узнал Перкун, что богиня соединяется любовью с смертным; поразил рыбака и разбил громом вдребезги янтарный дворец Юраты, а самой ей определил такое наказание: пред трупом своего возлюбленного, прикованная на дне моря, должна вечно оплакивать свое падение, и часто, заключает миф, балтийские пловцы слышат подводные стоны богини, а вода выносит обломки янтарного чертога бывшей повелительницы моря.

Миф о болотной царице. Болото в литовской мифологии представляется жилищем злых духов. Духи эти живут на самом дне, в неизмеримых и мрачных пропастях. В одной легенде рассказывается следующее: в глубокой древности одна литовская царица долго жила на одной скале, а потом сошла в болотную бездну, где поселилась в трюме воздушного корабля. Но ей скоро наскучило жить в пропасти: она по временам стала выходить из бездны, гулять по лугам и разговаривать с жителями окрестных селений. Но те невзлюбили ее за ее безобразный вид и порешили призвать чернокнижника, чтобы тот своими заклинаниями выгнал царицу из ее жилища. Узнала об этом царица, явилась к жителям и объявила им, что если она переселится от них, то все окрестные луга покروются водою, потому что главное отверстие, ведущее в бездну, теперь закрыто лошадиною головою и придерживается ее рукою.

Легенда о молодом человеке и Лайме. В один дом каждую ночь стала являться Лайма и душить живущего в нем молодого человека. Что только он не делал, чтобы избавиться от богини, но ничто не помогало. Наконец обратился к одному знахарю за советом и предложил ему большую сумму денег; тот принял подарок и дал такое наставление: в глухую полночь под пятницу отправиться в самую чащу леса, срубить дубок, сделать из него деревянный гвоздь и заткнуть им ту дыру в стене, в которую Лайма влезала. Молодой человек в точности исполнил наставление: сходил под пятницу в чащу леса, вырубил дубок, сделал гвоздь и стал дожидаться появления Лаймы; на следующую ночь та явилась; он встал с постели, подбежал к дыре и заткнул отверстие. В продолжение целой ночи молодой человек слышал, как в его спальне, в углу, где была дыра, что-то возилось и царапало, будто кошка. На следующее утро, когда проснулся, он увидел пред собою девицу редкой красоты, полюбил ее и вступил с нею в брак.

³⁴ Миф этот почти совершенно сходен с римским мифом о Прозерпине и Церере.

Несколько лет молодой человек прожил с своею женою и имел от нее много прекрасных детей. Жена была тиха, кротка и послушна, но только имела одну странность: ни одного дела сама не могла начать и кончить его; надобно, чтобы кто-нибудь начал его – она будет работать, а кончить должен другой. Долго муж хлопотал, чтобы уничтожить эту странность, но напрасно: «Ототкни дыру, – говорила жена, – может быть, тогда я сумею начать и кончить дело?»

И наконец, действительно упростила его сделать это; но Лайма на следующую ночь ушла от мужа. После того она, прибавляет легенда, каждый четверг, вечером, приносила своим деткам по беленькой рубашке, а сама никогда не показывалась.

Легендарные герои древних литовцев

В истории древних литовцев, так же как и в истории древних греков, существовал героический период, в котором совершали свою деятельность мифические лица. Как в истории древних греков лица, поражавшие внимание народа необыкновенными подвигами или научившие соотечественников какому-нибудь полезному занятию, признаваемы были за существа сверхъестественные, которым потомство оказывало особую почесть, так было и в истории древних литовцев. Поэтому как там, так и здесь мы находим полубогов и героев древности. К числу лиц такого рода в древней литовской истории принадлежат: Витол, Алцис, Гелон, Ишментас, Медзюйма, Брутен и Вайдевут, Немон и Полимон.

Витол. Человек этот одарен был необыкновенною силою и великою мудростью. Как волшебник, он повелевал духами и знал прошедшее, настоящее и будущее. Перед ним дрожали цари и как милости искали его дружбы и принимали советы, подобно советам богов.

Витол не любил ни с кем водить дружбы; у него один был друг – это его конь, которого звали Иодж (черный). Как страшная буря богатырь носился на своем коне от края неба до края земли: ни зверь, ни птица, ни быстрые ветры не могли его обогнать. Голова этого коня служила ему иногда убежищем: он одним ухом влезал в нее, отдыхал в черепахе коня, а другим выходил. Но скоро Витол лишился своего друга: был однажды богатырь приглашен на пир к одному царю, и там случилось это несчастье: боги, опасаясь, чтобы от Иоджа не произошла такая же чудная и прекрасная порода лошадей, как он сам, покрыли его высокою каменною горою, отчего Иодж и погиб. Витол в ужас пришел от сего несчастья; считая виновником царя, которым приглашен был на пир, богатырь хотел было убить его, но тот, будучи сам волшебником, отклонил своими чарами грозившую гибель. После этого Витол и царь помирились и сделались друзьями.

Алцис. Подобно Витолу, Алцис отличался необыкновенною силою, сверх того боги еще наградили его исполинским ростом, но зато он уступал Витолу в мудрости. Богатырь этот постоянно путешествовал от одного царства до другого. В своей жизни он совершил тысячи великих подвигов. Любил бедных и добрых людей, которым постоянно оказывал покровительство.

Самый замечательный подвиг Алциса тот, что он убил страшного дракона Дидолиса, который проживал в Литве под одною горою в мрачной пещере, где стерег сокровища. Потом он влюбился в дочь одного царя, вступил с нею в брак и подарил ей те сокровища, которые достались ему после Дидолиса. Жена Алциса отличалась необыкновенною красотою, а также исполинскою силою: схватывала быка за рога и как пух перебрасывала его через голову. Но при всем том она была далеко слабее мужа. Муж сильно любил ее и постоянно с нею путешествовал. Когда она от дальнего пути уставала, то Алцис сажал ее на свое плечо и так продолжал странствование. При переходе чрез большие реки вода доходила Алцису только до колен³⁵.

Гелон. Литовские легенды рассказывают, что в глубокой древности на литовцев часто нападали с севера людоеды. Они страшно разоряли и опустошали страну, захватывали в плен людей, уводили к берегам северного моря и там пожирали их, а из костей складывали огромные пирамиды в честь своих богов. И долго, говорит одна легенда, не было человека, который бы избавил литовцев от этих страшных людей! Но вот нашелся богатырь, по имени Гелон, сын иглы (еловый лес), который избавил литовцев от этого бедствия. Он напал на людоедов, когда

³⁵ В лице Алциса некоторые ученые видят диких народов, нападающих на Литву в глубокой древности. В женитьбе же Алциса в Литве признают водворение этих народов в ней и слияние их с литовцами. Изображение Алциса, переходящего чрез реку с женою на плече, находилось на древней литовской печати, которую Гедимин установил для г. Вильны.

те пришли в Литву за обычной добычей, и истребил совершенно. Потом Гелон жил в приморской стране, где он, как и его потомки, пользовался необыкновенным уважением.

Когда, говорит та же легенда, скандинавы овладели Жмудью, то потомки Гелона все погибли в битвах с ними. Из них остался один только кунигас (князь) Иминус, которого еще младенцем отвезли к дреговичам, народу союзному потомкам Гелона. Иминус жил в городе Игмене. Один из потомков его Гланимон Дормундович в XII в. снова переселился в Литву. Сын его Сутинк имел владения в Жмуди, сын же Сутинка Лютаур, заключает легенда, был отцом Гедимины³⁶.

Ишментас. Предание говорит, что это был великий мудрец, который научил литовцев многим полезным занятиям, а главное: принес с неба, куда однажды проник по воле Перкуна, для своих соотечественников некоторые законы. Законы эти были хороши, и литовцы до тех пор были счастливы, пока следовали этим законам, а как только перестали исполнять их, так счастье немедленно покинуло литовцев.

Какие это законы, которые Ишментас дал литовцам, мы не знаем. Но изречения этого мудреца остались известны, по крайней мере их приписывают ему. Вот эти изречения:

– Дурное семя восходит и без посева, а доброе, хотя бы и посеянное, не всегда приносит плод.

– Пиво без хмеля, масло без соли, лошадь без хвоста, женщина без добродетели – ничего не стоят.

– Распутство – одно только бездетно.

– Хвали день вечером, женщину по смерти, меч – испытай, а свою невесту после свадьбы.

– Не верь женщинам, потому что имеют сердца слабые, а язык лживый, готовый всегда произнести клятвопреступные обеты.

– Дружба между прекрасными, но злыми женщинами то же, что знаки, видимые в облаках.

– Дурака и труса могут любить одни только дурные женщины.

– Мудрость, мужество и добродетель составляют основание земного и небесного блаженства³⁷.

Медзюйма. Это была литовская богатырша. Девушка исполинского роста и силы необыкновенной. Она имела мужское лицо: боги одарили ее бородой и усами. Одевалась в звериную шкуру. Всю жизнь бродила по дремучим лесам и болотам, истребляя зверей стрелами из лука. Ее считали богиней охоты. Местопребыванием ее была гора Медзюкальная, в Жмуди, около местечка Крож, Ковенской губернии, Россиенского уезда.

Брутен и Вайдеут. Из всех преданий литовского народа самым замечательным считается предание о Брутене и брате его Вайдеуте. Предание это в продолжение нескольких веков принималось за неоспоримый факт, и древние литовские писатели помещали его в своих хрониках наряду с фактами несомненно историческими. Теперь уже не верят подвигам Брутена и Вайдеута и сына второго – Литво; сомневаются даже в существовании этих лиц и дела их приписывают целым народам и результатам вековых их усилий и переворотов. Но, во всяком случае, предание это очень любопытное: оно указывает на прибытие в Литву каких-то дружинников, которые сошлись с литовцами и положили начало гражданской и религиозной жизни литовцев. Очень может быть, что эти дружинники были скандинавы, как говорит само предание. Вот это предание.

³⁶ Говорят, что сказание о происхождении Гедимины от Гелона выдуманно для ягеллонов, с целью возвысить их род, производя его от великого человека. Но в этом сказании доля справедливости все-таки есть: Гедимин действительно был сыном Лютовера.

³⁷ Замечательно, что подобного рода изречения находятся в древнем скандинавском сборнике мифических и эпических песен, записанных в XII в. священником Семундом Вещим. Сборник этот известен под именем «Старая Ведда».

В VI в. предки литовцев занимали страну на юг от Балтийского моря, между реками Висла и Неман. Страна эта называлась Ульмигерией. Находясь в соседстве с одним из польских княжеств – Мазовецким, ульмигеры (литовцы впоследствии, ульмигеры назывались еще аутохтонами, как говорит предание) часто терпели нападения от мазовчан и, наконец, даже были покорены ими. Ульмигеры платили своим победителям постыдную дань, состоящую из некоторого числа юношей. Платили они эту дань без ропота, даже считали за честь, что иноземный государь забирает у них самых красивых молодых людей и уводил их к себе. Но вот в это самое время прибыли в Ульмигерию скандинавские дружинники, они поселились между туземцами, построили крепости и впоследствии слились с предками литовцев. Эти новые пришельцы, водворившись в стране литовских предков ульмигеров (аутохтонов тоже), иначе взглянули на дань, платимую туземцами мазовецкому князю. Они скоро постарались уяснить жителям Ульмигерии, что платимая ими дань мазовецкому государю составляет не честь, а бесчестие, от которого нужно освободиться. Между скандинавскими дружинниками особенно два брата – Брутен и Вайдевут – сильно настаивали на уничтожении постыдной дани мазовецкому государю. Они созвали на общий совет старейшин и знатнейших людей этой страны. Пред открытием собрания Вайдевут произнес речь к народу. «Если бы вы, – говорил Вайдевут, – не были бы глупее ваших пчел, то между вами не было бы никакого беспорядка. Вы знаете, что пчелы имеют короля, приказаниям которого повинуются беспрекословно; он решает их споры и каждой из них определяет приличную работу; непослушных, празднолюбцев, ленивых и бесполезных выгоняет из ульев и наказывает. Вы, которые видите это каждый день, последуйте их примеру! Выберите себе короля, пусть он разбирает ваши споры, не допускает до убийства, наказывает за воровство, защищает невинных; пусть будет один и тот же для всех без исключения! Пусть в руках его будут законы, суд и верховная власть!» Речь Вайдевута понравилась всем; ульмигеры порешили выбрать себе короля и начальника над скандинавскою дружиною. Сначала выбор пал на Вручена; но так как тот посвятил себя на служение богам, то отказался, а по его совету выбран был брат его Вайдевут, человек одаренный великим умом и необыкновенными качествами. Вайдевут, будучи избран королем и вождем ульмигеров и скандинавских дружинников, признал вместе с народом брата своего Вручена равносильным начальником и определил навсегда, чтобы ничего не предпринимать без воли и совета брата, во всем повиноваться его велениям и быть ему покорным, как старшему и представителю богов. Как объявителю воли богов, Брутену дан титул «Криве-Кривейто», то есть судья судей. После этого Вайдевут и Вручен постановили, чтобы их народ не был никому подвластен, никому не платил дани и не давал даров и был бы подчинен только одним богам. Вайдевут построил укрепленный город Найто, или Нойнино, находившийся между открытым морем и фришгафом.

Между тем скандинавы, имея более сведений в военном искусстве, вскоре взяли верх над ульмигерами, начали их презирать, преследовать и теснить их свободу. Начались раздоры и междоусобия. Ульмигеры взбунтовались, напали на притеснителей и сожгли несколько их городов и укрепленных мест. Вайдевут хотел было успокоить народ, но не мог этого сделать; тогда он обратился к Криве-Кривейто, который созвал его в Балгу и там успокоил. На будущее время, для предупреждения подобных волнений, сделаны были следующие постановления: «Никто никого презирать не имеет права и принуждать против воли к работе. Если кто будет нуждаться в помощи другого, то должен приобрести эту помощь дружески, подарком, просьбою или иным каким кротким средством. Благородным будет почитаться только тот, кто отличится благородными действиями, опередит других борзыми конями и приобретет славу на войне; иначе одни только имена и прозвания будут различать ульмигеров от скандинавов».

Успокоив таким образом взволнованный народ, Криве-Кривейто в том же месте, в Балге, и тогда же дал ему законы, которые должны были пересоздать домашнюю жизнь ульмигеров, их нравы и обычаи. Самое важнейшее из постановлений Вручена состояло в утверждении одной религии во всем народе, а потому определено: чтобы никто без ведома Криве-Кривейто

не поклонялся другим богам и чтобы из чужих земель никто не приносил в Литву чужих богов. Затем заповедано было народу поклоняться только трем богам: Перкуну, Антримпосу и Поклюсу. Именем этих богов предоставлена власть Криве-Кривейто и его преемникам объявлять волю богов и посвящать жрецов. Тогда же положено было считать приказания Криве-Кривейто равносильными приказаниям божеским. «Кто все это исполнит, – сказал в заключение Брутен, – тот может надеяться на получение в будущей жизни богатой награды, а кто не исполнит – будет предан мучениям и несчастиям. Все соседние народы, поклоняющиеся с ульмигерами одним и тем же богам, должны быть любимы и почитаемы. Другие же, презирующие литовских богов и оскорбляющие их, должны быть преследуемы огнем и мечом».

По обнародовании законов и распущении народа, Брутен и Вайдевут составили совет, как посредством религиозного страха сохранить единство и согласие народа, и порешили основать Ромове. Брутен нашел на прекрасном лугу огромный, толстый и развесистый дуб, который, как говорит предание, был вечно покрыт зелеными листьями. Сюда он снова собрал народ и объявил, что боги выбрали это место для своего пребывания между народом. Показаны были народу три истукана, привезенные из Скандинавии. Народ, никогда не видавший идолов, пришел в удивление и страх. По приказанию Брутена он поставил эти истуканы в трех нишах, выдолбленных в дубе. После этого Брутен объявил народу волю богов, чтобы новые пришельцы (то есть скандинавы) и старые жители жили между собою в согласии и обходились друг с другом братски. Он представил им, как следствие братского согласия, победы над неприятелем, богатую добычу и славу; а в противном случае – порабощение соседями, голод и моровые поветрия, наконец, страшные муки в загробной жизни. Потом приказал народу остаться на целую ночь около священного дуба, чтобы на другое утро объявить ему волю богов, которая передана будет ему, как главному первосвященнику.

Ночью, говорит предание, небо заволкло черными тучами, поднялась страшная буря, и громовые удары один за другим разражались над этою долиною; видя все это, народ пришел в ужас и трепетал. Утром небо прояснилось и солнце взошло во всем блеске. Брутен, явсь к народу, сказал: «Вы слышали, как в эту ночь наши боги громовым голосом Перкуна разговаривали со мною. Они приказали мне объявить вам, чтобы вы признавали их пребывание и приносили им жертвы здесь, на этом месте, около сего священного дуба. Но при этом боги желают, чтобы избранные жрецы приносили им предлагаемые вами жертвы. Эта страна, которую нам дали боги, будет с этих пор называться моим именем, то есть страню Брутенов (отсюда Брутонов, а впоследствии Пруссов), дабы, таким образом, новые пришельцы вполне слились с старыми обитателями, изгладилась в народе всякая разница и споры навсегда прекратились бы; наконец, заключил свою речь Брутен, чтобы это селение называлось Рикайта, или Ромове».

Между тем, как все это происходило в стране ульмигеров, мазовецкий князь, не получая несколько лет своей дани и беспокоясь заведением новых порядков в земле пруссов (так она теперь называлась от имени Брутена – Прутона, или Прусса), отправил к ним посольство напомнить о дани. Но получивши отказ, собрал сильное войско и вывел против брутенных, или пруссов. Вайдевут, с своей стороны, собрал войско и тоже вышел против мазовцев. Битва произошла кровопролитная и кончилась поражением Вайдевута. После этого мазовецкий князь вошел вовнутрь страны, страшно опустошил ее и при этом захватил многих молодых юношей, которых и увел к себе в Мазовию.

Спустя некоторое время юноши, взятые мазовецким князем, бежали обратно в свое отечество, в землю пруссов. Тут они научили своих земляков военному искусству, которое сами хорошо усвоили от мазовцев. Поэтому пруссы решились еще раз помериться силами с мазовцами. На этот раз поход был удачный: Вайдевут разбил наголову мазовецкого князя и страшно опустошил Мазовию. Мазовецкий князь убит был во время этой войны.

По возвращении победителей в отечество Криве-Кривейто созвал народ к священному дубу в Ромове и тут, принеся жертву богам, постановил: чтобы каждая добыча, приобре-

тенная на войне, разделялась на четыре части. Одна из них должна отдаваться богам-покровителям, другая – Криве-Кривейто и жрецам, молящим богов о даровании победы, третья – воинам, принимавшим участие в войне, и четвертая – тем из жителей, которые оставались в отечестве и защищали границы сего последнего.

Последняя победа пруссов высоко поставила Вайдевута и его народ в глазах соседей: многие из них стали заискивать расположение жителей страны пруссов; между прочим, и сын убитого мазовецкого князя – Мазош, заступивший место отца, прислал своих послов к Брутену и Вайдевуту, прося их заключить с ним вечный мир и в то же время принести жертву прусским богам; и то и другое он получил. При принесении жертвы, которая состояла из коня, сожженного на костре, Мазош дал торжественную клятву вечно чтить богов прусских. С тех пор началась неразрывная дружба между мазовцами и жителями страны пруссов.

После вышеописанного события внутри страны пруссов возникли новые волнения. Волнения эти произвели дети Вайдевута, которых было 12. Они стали спорить между собою о верховной власти в случае смерти отца и дяди. Действительно, Брутен и Вайдевут были уже стары, первому было 132 года, а второму 116 лет. Чтобы успокоить волнение и помирить детей, Брутен и Вайдевут созвали старейшин страны и народ к священному дубу в Ромове; тут они от имени богов разделили всю страну пруссов на 12 частей, в каждой части назначили правителем одного из сыновей Вайдевута, при этом повелели жителям каждой части быть послушными и верными тому из сыновей Вайдевута, которому назначена эта часть. Затем Криве-Кривейто отделил старшего сына Вайдевута (по некоторым сведениям, младшего) Литво, поставил его пред народом и священным дубом и приказал дать клятву в вечном повиновении первосвященнику и богам, пока жив. Литво возложил правую руку на голову Брутена, а левую прикоснулся к священному дубу и произнес торжественную клятву Криве-Кривейто. Литво получил страну от рек Бойко и Немо (то есть Буга и Немана) до лесов темных (тансамо), неизвестно где находившихся. Литво царствовал в этой стране очень долго; в ней он построил в честь своего сына замок Гарто. Владения Литво впоследствии стали называться именем его – Литвою. Другие сыновья Вайдевута, получивши в свою власть известные части страны пруссов, дали им названия по своим именам, так: Само дал название Самогитии, Суд – Судовии, Нодро – Нодровии, Голиндо – Голиндии и т. д.

По разделении страны пруссов на 12 частей Брутен и Вайдевут недолго жили: они добровольно принесли себя в жертву богам, то есть сожгли себя на костре, сложенном пред священным дубом в Ромове. Предание это находится у Стрыйковского³⁸.

Предание о Немоне. В глубокой древности некто Немон, во главе какого-то народа, вплыл из Балтийского моря в устье Немана, а отсюда поплыл вверх по Неману. Достигши устья р. Дубиссы, пловцы узнали, что здесь существует оракул, и в восторге от этого воскликнули: «Шеродом» (здесь нашли). Это восклицание было причиною названия того места «Шеродзе». От устья Дубиссы путешественники повернули вверх по этой реке. Проплывши немного, они вышли на берег отдохнуть и при этом сказали: «Чекишком знок» (воткнем знак), а это подало повод к названию места их отдохновения «Чекишки». После отдыха спутники поплыли выше по реке и, подплывши к неизмеримым пустыням и встретивши препятствия к дальнейшему путешествию, сказали: «Эй ирагалас» (нет конца). Но когда Немон и его спутники достигли наконец до того места, где надеялись осуществить предположенную цель, то от радости запели: «Бет ира галас!» (конец путешествию), от чего получило название выстроенное там селение – «Бетыгола»³⁹. Далее предание говорит, что таинственные путешественники остановились в

³⁸ Матвей Стрыйковский по происхождению литвин; род. 1547, ум. 1580 г.; он написал польско-литовскую хронику.

³⁹ Местечки: Шеродзе, Чекишки, Эйрагола и Бетыгола теперь существуют в Ковенской губернии по р. Дубиссе. Только местечко Шеродзе теперь называется Среднишки. В конце XIII в. в Эйраголе был деревянный замок, принадлежавший владельцу его Лютоверу. Лютовер после Тройдена был литовским князем, а по смерти его сыновья его: Витень сначала, а потом Гедимин.

этой стране и основали поселения свои и были родоначальниками многих литовских кунига-сов. Впоследствии, прибавляет предание, потомки Немона воздавали ему божеские почести и в честь его выстроили храм в Немонойцах.

Предание о Палемоне. В царствование первых римских императоров какой-то римский гражданин, но имени Палемон (Балмунд тоже), с 500 всадниками, чрез Балтийское море и нижнее течение р. Немана, попал к устью Дубиссы и здесь построил первую в Литве крепость Бессены. Отсюда пришельцы распространили свое владычество в Литве на север, юг и восток. Довспрунг, товарищ Палемона, завладел берегами Свенты (Святой) и построил город Вилкомир. В короткое время эти пришельцы овладели почти всею Литвою. Но по завоевании ее Палемон и его спутники начали вести тихую и скромную жизнь и приучать литовцев ко всему полезному. В то же время эти пришельцы приняли язык, веру и нравы своих побежденных и потом окончательно слились с ними⁴⁰.

Из приведенных двух преданий прежде всего нужно заключить, что Немон и Палемон одно и то же лицо, тем более это справедливо, что путь их обоих вполне сходен; а потом – что это лицо было не римского происхождения или другой какой народности, а происхождения скандинавского. Самое имя Немон, или Палемон (все равно), скандинавское. Дальнейшие потомки, которых приводят летописцы, этого скандинавского выходца имеют имена чисто скандинавские (если не все, то большая часть). Очень может быть, что лицо, названное Немон, или Палемоном, не существовало на свете и что самый путь его есть продукт фантазии летописцев, но что тот факт, что в эту страну, то есть Литву, и притом через Неман, прежде всех попали скандинавские выходцы, нужно признать действительным.

Предание о потомках Палемона. Палемон (продолжает предание литовцев, записанное летописцами) по смерти своей оставил по себе трех сыновей: Боркуса, Куноса и Сперу. Первый основал, как говорит предание, г. Юрбург на р. Юра, второй – Ковну, а третий – г. Сперы. По смерти Боркуса и Сперы, остался один Кунос, присоединив владения братьев к своим владениям. Кунос, как говорит предание, был убит в войне с Ярославом, русским князем, в 1040 г. После Куноса осталось два сына: Керн и Гимбут. Первый был князем в собственной Литве, а второй в Самогитии. Керн основал г. Керн (Кернов, в 35 верстах от Вильны), который был его столицею. В 1058 г. оба брата напали на русский город Брацлав и овладели им. После смерти братьев владения их переходят к Монтвиллу Гимбутовичу⁴¹, а затем к сыновьям его – Эрдвиллу и Выконту. В 1207 г. Эрдвилл, по сказанию Стрыйковского, перенес свою столицу в Новгородок⁴² и покорил русские города: Брест-Литовск, Гродну и Дрогичин (Подляхию). За Эрдвиллом следует сын его Менгайло, который покоряет Полоцк, Пинск и Туров – русские города. По смерти Менгайлы обладателем Литвы делается Скирмунт, затем – трое сыновей его; из них двое погибают в битве с татарами около Мозыря, а третий – Трват, делается обладателем Литвы; под старость он передает ее сыну своему Альгимунду. После Альгимунда известен Рингольд. Это был воинственный князь, соединивший, если верить преданию, под свою власть все мелкие литовские княжества, которых в это время было уже много. Он победил и русских князей за то, что те не хотели признать за ним титул великого литовского князя. После смерти Рингольда литовский стол занял сын его Миндовг. С Миндовга собственно начинаются исторические времена Литвы⁴³.

⁴⁰ Все писатели до нашего столетия вполне верили этому преданию, но при этом одни из них полагали, что Палемон прибыл в Литву за 50 лет до Рождества Христова, а другие 50 лет после и т. д.

⁴¹ Некоторые говорят, что Литва перешла сначала не к Монтвиллу, а к зятю его Зивибунду, который женат был на дочери Керна – Пяте. Сперу, Керна и Пяту впоследствии литовцы обоготворяли.

⁴² В нынешний Новогрудок, Минской губ.

⁴³ *Примечание.* О потомках Палемона и их борьбе с русскими князьями излагается в летописи так называемой Быховца, но все это там так спутано и хронологически неверно, что ученые вплоть до Миндовга все сии известия относят к легендарным сказаниям. Несомненно только то, что в начале XIII в. действительно произошло общее движение литовских куннигасов к захвату русской территории, с целью образовать более или менее прочное княжество.

Кроме вышеприведенных нами литовских мифологических и легендарных преданий, сохранился еще целый цикл подобных преданий, но только в позднейшей переделке, под влиянием христианства и других обстоятельств, сложившихся для литовцев. Но тем не менее первоначальная мифологическая основа их и здесь видна. Это, очевидно, обломки поэтических сказаний глубокой старины с позднейшими прибавками. Некоторые из них до настоящего времени существуют в устах народа и ждут к себе русского Макферсона. Для примера мы приводим два из них.

Предание о происхождении самогитов. Бог, говорит одна легенда, сотворил людей чистыми и добрыми. Но они скоро забыли Его, Творца своего, и сделались в высшей степени порочными, о чем Ему и донесено было ангелами. Но Бог не вполне поверил доносу. Он решился сам сойти с неба и убедиться в справедливости его. С этою целию, одевшись в рубище, вместе с ангелом Михаилом, предпринял путешествие.

Бог, по словам легенды, долго странствовал по земле. Он заходил к князьям, боярам, поселянам и лично убедился, что донос был действительно справедлив. Поэтому определил уничтожить всех людей, за исключением тех, которые имеют у себя хоть каплю добра.

Незадолго до наступления сего определения Бог приказал ангелу Свестикцу построить между небом и землею хрустальный дворец и собрать в него все необходимое для существования людей. Когда это исполнено было, во дворец введена была девица, которая названа была «девственницею», и тут ей поручены были на воспитание два младенца: мальчик и девочка, дети поселян.

После этого Бог повелел двум ангелам: Огнедоку и Огневицу построить на самой высокой горе в свете золотой дворец и поместить в нем нескольких добрых людей, а также по паре всех пород животных. Затем Он чрез ангела Авкстица и разных гениев разрушителей навел на землю серу, смолу и огонь, так что она быстро обратилась в груды пепла.

Когда это исполнилось, Бог повелел раскрыться золотому дворцу и выйти людям. Но те, взглянувши на землю, ужаснулись и не знали, что делать. Видя их замешательство, Бог решился привести землю в прежнее состояние. С этою целию Он покрыл ее водою, дабы обмыть от пожарища. А чтобы люди золотого дворца не потонули, Бог бросил им ореховую скорлупу, в которую те сели и понесли по волнам к хрустальному дворцу, где жили мальчик и девочка. Эти последние в сие время были уже взрослые, состояли между собою в браке и имели дочь. Увидавши подплывших людей, они вошли в скорлупу и присоединились к ним, а дочь свою оставили в хрустальном дворце на попечение «девственницы».

Между тем вода спала, земля обсохла, покрылась травою и украсилась цветами. Люди, бывшие в скорлупе, достигли одной прелестной долины, высадились на нее и поселились тут. От этих-то чудно спасенных людей произошли все народы, живущие теперь на земле.

Таким образом, в хрустальном дворце осталась только девочка, которой Бог дал имя «Земегита», от слова «земе» – земля, так как она произошла от людей, живших на земле.

Когда Земегита, или, как ее стали называть впоследствии, Самогита выросла, то Бог повелел ей сочетаться браком с ангелом Беркуном. Но она скоро изменила мужу: в отсутствие его Самогита вступила в тайную связь с двумя ангелами: Свестикцем и Авкстицем. За это Бог наказал ее тем, что повелел выдать замуж за простого земледельца и поместить с мужем в том золотом дворце, который пред истреблением всего существующего на земле построен был ангелом на высокой горе.

В своем заключении Самогита прожила с новым мужем несколько лет; у них родилось много детей, которые, пережившись между собою, произвели многочисленный народ, названный «земегитами», или «самогитами» по имени своей прародительницы.

По прошествии нескольких веков самогиты до того размножились, что во дворце не хватило им места, вследствие чего Бог вывел их оттуда и поселил в местности, орошаемой Неманом и З. Двиною.

Легенда о плотнике. В глубокой древности, говорит легенда, жил один благочестивый плотник. Скучно ему сделалось сидеть дома без дела, взял он топор, пилу, скрипку и отправился странствовать по свету. Недалеко от литовской границы он встретился с Перкуном, богом грома и молнии, а потом с ветром, который в легенде называется дьяволом. Все трое подружились между собою, вошли в литовские владения и стали путешествовать по ним, занимаясь осушением болот, истреблением диких зверей и вообще приведением страны в порядок. Потом они недалеко от р. Неман построили себе дом, развели огород, насадили хозяйственных продуктов и стали жить. Но вот из их огорода стали пропадать продукты: проснутся утром, глянут – то репы нет, то капуста, то фасоли. Что делать? Порешили по очереди караулить вора. Первый пошел дьявол (ветер), но он не поймал вора, напротив – еще вор так его поколотил, что тот едва живой ввалился в хату. Та же история повторилась и с Перкуном. Наконец, пошел плотник караулить огород; он взял с собою скрипку, сел под дерево и стал играть заунывные песни. Настала полночь, явился вор, он шел прямо на плотника, причем катил перед собою маленькую железную тележку, по которой хлопал бичом, крича: «Пичь, пачь! Железная тележка, проволочная плеть». Плотник не испугался, он заиграл усерднее; подошел вор, сел с ним и стал слушать музыку: оказалось, что это богиня Лайма (покровительница женщин). Ей так понравилась игра на скрипке, что стала просить плотника выучить ее этому искусству. Плотник согласился было, но потом заметил, что у Лаймы очень толстые пальцы, нужно было их немного обтесать, и для этой цели велел ей вложить руки в расщепленное дерево, которое лежало поблизости; Лайма послушалась, но плотник так притиснул их, что у бедной богини из пальцев выступила кровь, а сам в то же время отсчитал ей несколько тяжеловесных ударов по спине тем самым проволочным бичом, которым она была его товарищей. Только по сильной просьбе плотник освободил Лайму. Она скрылась, но с такою поспешностью, что забыла свою железную тележку и проволочную плеть. С тех пор уже никто не крал плодов и трое товарищей жили спокойно, обрабатывая огород. Так прошло еще несколько лет. Но, наконец, им самим наскучило вместе жить, и они на совете решили: пусть тот из них будет владеть домом и всем хозяйством, кто окажется менее трусливым, а чтобы узнать это – согласились, что каждый по очереди будет пугать двух других и при этом кто не испугается, а, напротив, еще другим наделает более страха, тот получит все, а остальные уйдут. Первый начал пугать дьявол (ветер). Он навел на дом такую страшную бурю, что стены задрожали: Перкун с испуга выскочил в окно, а плотник остался спокоен: он развернул молитвенник и буря его не коснулась. На другую ночь пугал Перкун: в самую полночь нашла туча, заблистала молния, загредел гром и удары сыпались один за другим с такою силою, что земля дрожала, небо колебалось; дьявол не усидел в комнате: выпрыгнул в окно, а плотник и теперь остался спокоен: потому что занимался молитвенником. Настала очередь плотнику пугать товарищей. Плотник вышел на огород и, как только стемнело, стал катать вокруг дома железную тележку, которую оставила Лайма, и хлопать по ней бичом, приговаривая: «Пичь, пачь! Железная тележка, проволочная плеть». Перкун и дьявол, как услышали эти слова и подумали, что Лайма идет их колотить, бросились из комнаты и убежали навсегда из этой местности. Таким образом, плотник один стал обладателем всего имущества⁴⁴.

⁴⁴ В этой легенде, говорит Костомаров, видно древнее сознание победы человеческого ума над силами природы. Плотник здесь может быть – странствующая светоносная божественная сила, водворяющая образованность в Литве. Участие же Перкуна и Лаймы показывает основу ее древнюю, а молитвенник у плотника – на прибавку в эпоху христианскую.

Семейная и гражданская жизнь древних литовцев

Наружность и характер древних литовцев. Древние литовцы по типу своему ближе всего подходили к германской народности. По большей части они были высокого роста, хорошо сложены; цвет лица имели белый, голубые глаза, светло-русые волосы; гибкие, стройные и проворные. Как теперь, так и тогда литовские женщины отличались кротостью, нежностью, свежестью лица, трогательным выражением глаз и между ними были настоящие красавицы. По внутренним качествам литовцы отличались меланхолическим настроением, тонким и наблюдательным умом, с оттенком насмешливости, богатым воображением, поэтическим чувством и любовью к природе, а также необыкновенною деликатностью, целомудрием, добродушием, простотою, доходящею до наивности, гостеприимством, храбростью и преданностью к родине. Но литовцы, обладая таким богатым запасом внутренних сил, мало воспользовались ими: литовцам недоставало уверенности в своих силах, как полякам политического ума и такта; у них не было сознания личного достоинства, а также достаточной энергии проявить этот огромный запас своих внутренних сил, а если и проявили его, как это было в начале своей истории, то не надолго: до конца не довели и скоро оборвали; так, едва только они в XIV в. успели сложиться в политическое тело, как стали искать опоры в Польше и подчиняться ее влиянию, государству более слабому и материально, и духовно. Под давлением чужой культуры литовцы скоро потеряли последнюю энергию и замерли, укладываясь в бытовые и общественные формы чуждой национальности.

Жилища. По свидетельству писателей XV и XVI вв., литовские жилища всегда отличались простотою, безыскусностью, но прочностью. Жилища их имели туземное название «нумаи». Для постройки их литовцы всегда выбирали открытое место и притом орошаемое или рекою, или озером. Материалом для нумаев служил еловый лес. При постройке литовцы наблюдали, чтобы первые бревна, которые служили основанием дома, опирались на дубовые столбы; этого требовала как самая прочность постройки, так и какое-то религиозное поверье. Крышу нумаев покрывали корою и ельником, а нередко и соломой. Длина нумаев была неодинакова, но некоторые из них простирались до 15 сажен. Внутренность нумая у зажиточных делилась на две части: одна часть предназначалась для людей, а другая – для скота, куда он вводился на ночь, чтобы сохранить от диких зверей, которых в Литве было бесчисленное множество. У менее же состоятельных литовцев нумаи устраивались из одного помещения. Посредине такого нумая всегда выкапывалась яма, около аршина в глубину и около трех в поперечнике. Края этой ямы обыкновенно обдeldывались камнями, чтобы не осыпалась. В самом центре ямы делалось новое углубление для очага, в котором постоянно горел огонь. Зимой в подобных нумаих не только помещались люди, но и животные.

Каменные дома вошли в употребление в позднейшее время, когда литовцы познакомились с рыцарями.

Бани были во всеобщем употреблении.

Пища. Как покушать, так и попить древние литовцы очень любили. В пищу они употребляли: рыбу, дичь, а больше всего свиное сало и конину. Любимыми их блюдами были: свиные кишки, начиненные мясом с салом, и вареное мясо, обложенное тестом и поджаренное в сале. Овощей литовцы мало употребляли: по большей части они приправляли ими кушанья.

Из древних литовских напитков нам известны: а) молоко, смешанное с теплою кровью животных, от которой оно получало брожение и крепость. Этот напиток по большей части пили во время жертвоприношений; б) алюс; напиток этот делался из меда и похож был на наше пиво; в) наскайлес – тоже делался из меда, но имел одуряющее свойство. Все напитки, как и кушанья, у литовцев приправлялись пахучими травами. Пили литовцы напитки из турьих и бычачьих рогов. Такого рода сосуды литовцы употребляли с целию, чтобы никакое очарование

и колдовство не могли пристать к пьющему. У богатых людей рога эти украшались серебром, золотом и драгоценными камнями и передавались из рода в род как святыня. Металлические сосуды для питья делались тоже наподобие рогов. Пили в Литве и мужчины и женщины, и взрослые и дети до опьянения.

Гостеприимство. Древние литовцы отличались необыкновенным радушием ко всем, потому что гостеприимство в Литве считалось священным делом. Гость считался лицом неприкосновенным, и его никто не смел обидеть, в противном случае страшная ответственность падала на лицо хозяина, в доме которого гость был обижен, и чтобы сложить с себя эту ответственность, хозяин обязывался отомстить обидчику.

Когда гость входил в дом, то хозяйка немедленно приносила кувшин воды, снимала у гостя обувь и по обычаю страны мыла ноги. А хозяин между тем накрывал стол и ставил напитки. Затем начиналось угощение, и при этом больше всего налегало на напитки: не напоить гостя и самим не напиться допьяна в Литве считалось неприличным.

Если гость, в первый раз вошедший в дом, мог назвать хозяина по имени, то считался вестником счастья.

Одежда. В древней Литве мужская одежда отличалась однообразием и простотой, а женская – наоборот, разнообразием, богатством и прибавим еще: безвкусицей.

Мужчины носили рубаху, разрезанную спереди; сверху летом надевали короткий обтянутый кафтан с немногими фалдами, застегивавшийся множеством пуговиц, а зимою тулупы. Голову в холодное время покрывали меховыми и войлочными шапками, а в теплое – соломенными⁴⁵. На ноги обыкновенно надевали обувь из кожи вроде башмаков, и лапти.

Женщины носили разноцветные холстяные платья, причем убирала их маленькими колокольчиками, бубенчиками и разного рода побрякушками. Мода требовала как можно больше надевать на себя разноцветного и разноформенного платья. Девицы носили на руках кольца и браслеты, а на шее цепочки и ожерелья. Волосы девицы украшали цветами и лентами⁴⁶. Замужние женщины всегда покрывали голову завоем (чепцом).

Земледелие. Земледелием литовцы занимались с глубокой древности. Они старались запастись как можно более хлебом как для себя лично, так и для других, не имеющих возможности собственными силами сделать этого. На этом основании летописец прусского ордена говорит, что у литовцев не было нищих: бедный свободно заходил в дом каждого и ел у него столько, сколько нужно, и вдобавок еще получал на дорогу.

Занятия земледелием литовцы считали делом священным: у них было много богов, которые считались покровителями этой отрасли хозяйства. Самые лемеша (наконечники сох, которыми вздирают землю) для сох всегда делали не иначе, как из священных дубов. Землю литовцы обрабатывали хорошо, а потому урожаи у них были всегда превосходные. Из продуктов земледелия чаще всего упоминаются лен, репа, рожь и хмель. Пахали землю сохами, о плугах не имели понятия. В сохи впрягали лошадей и быков.

Охота, пчеловодство и скотоводство. Охота составляла важную отрасль промышленности, особенно ценную дичью считались лоси, медведи и туры. О развитии охоты свидетельствуют многочисленные названия пород охотничьих собак и птиц, вошедшие впоследствии в Литовский статут. Пчеловодство было также развито в значительной степени: мед составлял любимый и древнейший напиток литовцев; пчелы разводились в лесах, в так называемых бортях. Скотоводство тоже было недурно. Все роды домашнего скота были в хозяйстве каждого литовца; но, по народным предрассудкам, известные дома и даже целые селения и провинции

⁴⁵ Князя последних времен надевали на голову остроконечные шапки, наподобие сахарной головы.

⁴⁶ В древней Литве девице поставлялось еще в обязанность: вечером выходить на улицу с огнем, «чтобы невинность, – как говорили литовцы, – не омрачалась и тенью подозрения».

не держали у себя скота известной масти, потому что злые духи, не любя той масти, душили скотину.

Ремесла. Ремесла у литовцев стояли на низкой степени развития: они ограничивались только выделкою предметов первой необходимости и производили их в каждом семействе. Женщины ткали полотно; мужчины отделявали кожи и доставляли необходимые земледельческие орудия. Изделия более сложные встречаются редко; упоминаются только музыкальные инструменты: трубы деревянные и роговые, бубны, лира (на которой играли вайделоты-певцы, называемые брутаники). Также между литовцами были резчики, делавшие статуи богов, и каменщики, о существовании которых свидетельствуют развалины языческих капищ. Стекланные слезницы (сосуды, куда собирали слезы плакальщиц по умершему), находимые в древних курганах, наводят на мысль, что литовцам знакома была выделка стекла.

Торговля. Торговые сношения литовцев с иноземцами велись с глубокой древности; на берега Пруссии приезжали издревле инородные купцы за покупкою янтаря. С XII в. торговля стала оживляться вследствие развития промышленности в соседних немецких, шведских, датских и русских городах. Из сочинения каноника латинской церкви Адама Бременского, умершего в 1076 г., мы видим, что древние литовцы имели собственные корабли, на которых они привозили свои товары в шведский портовый город Бирки.

Предметы торговли составляли: пушной товар, янтарь, мед, воск, хлеб и сушеная рыба; на них выменивали соль, сукно, металлы, оружие, стекло, уборы и т. п. Впоследствии очень часто товары отлавливались и по Припяти, и по Днепру на юг, в Турцию и Крым, откуда получали деньги и металлические вещи. В литовских курганах и теперь находят римские деньги и разные металлические украшения восточной работы, которые, очевидно, могли попасть в Литву не иначе как путем торговли.

Иностранный купец почитался в Литве лицом священным и неприкосновенным, как гость в доме. Грабеж и воровство считались между этим народом за величайшее преступление, а потому преступления этого рода у него были чрезвычайно редки. В статуте Литовском пойманного вора дозволялось мучить сколько угодно. В народных преданиях и рассказах литовцы ворами не представляются, представляются в них одни только иностранцы.

Празднества. Сведения о языческих празднествах древних литовцев по большей части сохранились у писателей XV и XVI вв., когда язычество почти уже исчезло. Празднеств у древних литовцев было очень много, но мы упомянем только о главных.

Праздник весны. Он совершался в конце апреля. В каждом селении и в каждом местечке жители на общие деньги устраивали пир, пред началом которого жрец, обращаясь к богам, произносил следующую молитву: «Боги наши! Мы благодарим вас за прогнание зимы и за приход весны; просим вас: подайте нам хороший урожай и истребите сорные травы!» Затем он брал зубами чашу с пивом; пиво выпивал, а чашу перебрасывал чрез голову; это самое потом и все присутствовавшие по очереди повторяли. После этого целый день кутили и устраивали хороводы.

Праздник поворота солнца на зиму. Его, как говорят, праздновали 24 июня. Накануне этого дня жители всех местечек и селений, украсивши свои головы венками из всевозможной зелени, выходили в луга и лесные дубравы, зажигали костры и устраивали хороводы и пели песни.

Зажинки. Когда наступало время жатвы, хозяин каждого дома выходил в поле, нажинал один сноп, приносил его домой и устраивал пир для всех членов семейства.

Дожинки. Праздник этот совершался более торжественным образом, чем другие. По окончании уборки хлеба с полей в каждом селении и в каждой деревне жители собирались в один дом, где посредине двора разводился огонь, приготовляли тесто для лепешек и приводили козла. Вайделот садился на возвышение и оттуда произносил речь, в которой восхвалял богов и богатырей; затем подходил к козлу, клал на него руки и читал молитву, по окончании которой

убивал животное и кровью окроплял присутствующих. Мясо жрец передавал женщинам для пира, который начинался с вечера и продолжался всю ночь.

Уборки. Этот праздник совершался по окончании всех полевых работ в конце октября. В назначенный день жители деревень, собравшись в одну просторную хату, приносили сюда всех домашних животных по паре: самцов в жертву богам, а самок в жертву богиням. Потом приходил жрец, читал молитву богам и вместе с народом начинал бить палками принесенных животных, чтобы умертвить, не пролив крови. После этого начинался пир, причем жрец от каждого кушанья брал по частичке и бросал в сторону – в жертву богу Земеникасу, или Курко.

Праздник недельный. Он совершался каждую пятницу, как у христиан воскресенье, в честь Перкуна.

Праздник Ильги. Праздник этот установлен был тоже в честь Перкуна. Он продолжался две недели, в течение которых жители ходили в гости по очереди один к другому и устраивали танцы и пляски.

Праздник в честь льна. Он совершался молодежью. В конце ноября в известный день молодые люди обою пола в каждом селении собирались в один дом, где посредине комнаты ставили стул, на который с венком на голове всходила самая красивая девушка и становилась на него одною только ногою; при этом она левою рукою поднимала кверху ленту палевого цвета и просила богов об урожае такого длинного льна, как она высока. Затем ей подавали чашу с пивом, которую девушка брала правою рукою; небольшую часть напитка отпивала, остальную – выплескивала на левую сторону, а пустую чашу бросала в правую сторону. Потом девушке насыпали в фартук несколько маленьких лепешечек, которые та должна была подбросить так, чтобы они все разлетелись в разные стороны. Лепешечки, упавшие направо, обыкновенно съедались, а налево – закапывались глубоко в землю подземным богам. Вся суть этого обряда состояла в том, чтобы девушке как можно более простоять на одной ноге; при этом замечали: если она опрется о стул другою ногою, то урожай льна будет плохой, а если же, потеряв равновесие, соскочит со стула или – того хуже – упадет, то на будущий год совсем льна не будет.

Счисление времени. Летосчисление древние литовцы вели от какого-нибудь замечательного события, случившегося в стране: повальной болезни, пожара священной рощи, упорной войны и т. п. Год начинался с апреля; он состоял из 13 лунных месяцев; месяц – из 4 недель; неделя – из 7 суток⁴⁷; сутки – из 24 часов.

Язык и письмена древних литовцев. Язык литовский, как мы уже говорили выше, принадлежит к семейству арийских языков и между ними самый древнейший и самый близкий к санскритскому. Он отличается плавностью, благозвучностью и приятностью.

Дюсбург говорит, что литовцы не имели понятия о письменности и очень удивлялись возможности передавать знаками свои мысли отсутствующим. Но это не вполне верно: у литовцев были зачатки алфавита в виде насечек или рун. Мнение это основано главным образом на хронике прусского доминиканского монаха Симона Грюнау, который срисовал надпись из одного литовского знамени. Немецкие филологи Тунманн и Гримм утверждают, что надпись эта написана рунами и означает молитву к богу Земеникасу, или Курко. Но, во всяком случае, письменность эта не получила дальнейшего развития и с XIII в. вытеснена письменами соседних народов; так, те литовские племена, которые были покорены Тевтоно-Ливонским орденом (пруссские литовцы), стали употреблять немецкую письменность, а те литовские племена, которые вошли в состав Литовского государства (собственно литовцы, жмудь и ятвяги), стали употреблять русскую письменность. Письменность на литовском языке появилась только в XVI в., так прусские литовцы стали писать на родном языке только с конца первой половины XVI в.; в 1547 г. или около этого лютеранский миссионер Мартин Мосвидий первый написал литовский алфавит и затем перевел на прусско-литовский язык катехизис своего исповедания;

⁴⁷ Неделя начиналась с пятницы, которая, как мы уже заметили выше, была посвящена Перкуну.

литовские же племена, составлявшие Литовское государство, начали писать на своем языке только с конца второй половины XVI в.; в 1595 г. или около этого ксендз Николай Даукша из Бетиголы (Ковенской губ.) первый составил для жмудин литовский алфавит и перевел с польского языка на язык сего племени тоже катехизис своего исповедания. Вследствие такого позднего появления литературных памятников на литовском языке нам хорошо не известен и древний литовский язык, язык XII, XIII, XIV и даже XV вв.; о нем мы знаем только из отрывков отдельных слов и выражений, сохранившихся в русских летописях и прусских хрониках.

Литовские народные песни. По свидетельству летописцев, литовцы чрезвычайно любили петь. По словам их, народ этот сопровождал песнями все случаи жизни: и радостные, и горестные, и торжественные. Древние исследователи говорят, что у них были песни героические, исторические и бытовые. Но, к сожалению, песни двух первых родов до нас не дошли;⁴⁸ до нас дошли только бытовые песни (дайнос), да и этот род песен нельзя отнести к слишком глубокой древности. Некоторые из этих песен и до настоящего времени существуют в устах простого народа. Но тем не менее многие из этих песен заключают в себе следы глубокой древности и указывают на мирозерцание литовцев языческой эпохи. Песни литовские, конечно, приурочить нельзя к какой-нибудь одной эпохе, они, вероятно, составлялись в разные эпохи. Все литовские песни, известные доселе, отличаются глубокою нежностью, меланхолическим настроением и любовью к природе. В литовских песнях нельзя найти ни сильных порывов страсти, ни сильных душевных волнений. Литовская поэзия не находит прелести ни в преступлениях и злодеяниях и не тешит воображения ничем соблазнительным и развращенным. Литвин в своих песнях чересчур не увлекается радостными событиями и особенно не предается отчаянию и неутешной скорби при тяжелых обстоятельствах жизни. Он в своих песнях тих, спокоен, мягок, детски наивен и простодушен, осторожен, деликатен и в высшей степени скромнен и целомудрен. Одним словом, «литовская поэзия дышит, – как верно заметил историк Костомаров, – уютной непроездной деревней и по своему внутреннему миру напоминает весенний вечер, когда при ясной зоре, в душистом воздухе, среди младенческой, чуть только воскресшей из-под снега природы, чувствуется разом и упоение молодой жизни, и легкая грусть».

Пением в древней Литве занимались девицы, странствующие нищие, гадатели и, наконец, жрецы. Пение часто сопровождалось аккомпанементом на каком-нибудь инструменте. Из музыкальных инструментов были известны разного рода свирели, дудочки из тростника и пера; на охоте употреблялись рога, а на войне трубы; из инструментов с струнами в большом употреблении был род арфы (канклис).

Литовцы, как большие любители природы, в своих песнях почти на каждом шагу выводили на сцену предметы природы царства растительного и животного, которые имели то или другое символическое значение. Ничто не имеет в народных литовских песнях такого символического значения, как желтые цветы руты, которые так же, как и у славянских народов, есть символ девственности, и ни одна девическая песня не обходилась без руты. Девица цветет своим девством, бережет свое девство – это выражается образом, что девица ходит в рутяном огороде и поливает руту; цветение руты символизирует расцвет девической красоты. Бросить рутяной веночек в воду – значит прекращение девства. Вместе с рутою нередко упоминается и лилия, которая также символизирует красоту и целомудрие; но лилия служит для выражения и любовного чувства, чем никогда не бывает рута; благосклонность девицы в песнях молодец сравнивает с лилиею, но никогда с рутою. Лилия и роза в песнях означают девицу, а пион – молодец; эти цветы в песнях символизируют любовную чету. Зеленый цветок майоран, часто употребляемый в литовских песнях, всегда означает символ дружелюбия, гостеприимства, учтивости, точно как василек в Малороссии. Знакомство девицы с чувством любви выра-

⁴⁸ Литовский писатель XVI в. Стрыйковский говорит, что такого рода песни существовали в честь Почты, дочери Лездейки, Домвонда и Гурда Гинвилловича, защитника Ковны от крестоносцев.

жается в песнях собиранием майорана или покупкою его. Подарок девицею жениху букета из цветов майорана означает ее согласие на брак.

Из деревьев и кустарников литовская поэзия, как древняя, так и новая, любит розовый куст, дуб, клен, липу и березу. О розовом кусте сохранилось несколько песен – ясно, что это обломки каких-то мифологических рассказов; о липе, дубе и других осталось тоже много песен. Из всех деревьев дуб чаще всего упоминается, но это и понятно: дуб в религиозных верованиях литовцев был самым священным деревом.

В литовских песнях нередко можно встретить выражение о превращении души молодца в цветок или души отца в дуб. Из этого можно заключить, как и заключают некоторые, о веровании древних литовцев в переселение душ после смерти в другие тела.

Из царства животного в литовских песнях больше всего упоминаются птицы, а именно: кукушка, предвозвестница правды и будущего, голубь, соловей, ласточка, зяблик и другие.

Вот для образца несколько литовских древних песен, взятых нами из сочинения Киркора и Кукольника «Черты из истории и жизни литовского народа»:

I

Месяц женился на солнце,
То была первая весна.
Солнце встало очень рано,
Месяц, устыдясь, сокрылся.
Месяц блуждал один
И влюбился в Денницу,
И рассердился Перкун
И рассек его мечом.
– Зачем ты оставил солнце?
Зачем влюбился в Денницу?
Зачем таскаешься один по ночам?

II

Денница приготавлила свадьбу (пир).
Перкун въехал через ворота
И разбил зеленый дуб.
– Кровью, что брызнула из дуба,
Замаралось мое платье
И запятнался веноч.
Плакала дочь солнца,
Три года листья собирала,
Иссохшие листья.
– Где я, любезная мать,
Платье вымою?
Где выполощу эту кровь?
– Иди, моя милая дочка,
К тому озеру,
В которое втекают девять ручьев.

– Где я, любезная мать,
Высушу мое платье?
Где его развешаю на ветре?
– О, милая дочь моя,
В саду, в садике,
Где растет девять роз.
– Когда я, любезная мать,
Надену свое платье?
Когда будет чисто?
– О, дочь милая!
В тот день, когда на небе
Засветит девять солнц⁴⁹.

III

Лайма зовет, Лайма кричит
И бежит босиком по берегу.
Я взобралась на гору,
Увидела трех рыбаков,
Трех на море пловцов.
– Не видали ль вы брата
На высоком море?
– О, девица, о, лилия.
Брат твой утонул,
Лежит в море на дне,
Песком омывает ему лицо,
Волна играет с его волосами.
– О, рыбаки, о, друзья!
Не вытащите ли вы мне брата
Из глубокого моря?
– Что нам дашь, если вытащим?
– Одному шелковый пояс,
Другому золотое колечко,
Третьему мне нечего дать,
Буду служить у него,
У молодого кормчего.
Кормчий хороший человек,
Умеет править судном
По ветру и против ветра.

⁴⁹ Число 9 – священное в численности литовско-языческой, как и в скандинавской. По замечанию некоторых ученых, святость числа 9 происходила от числа 3, которое у известных народов земного шара имеет святое и символическое значение. Девять есть три раза три, следовательно, трижды святое, трисвятое.

IV

– Милое солнышко, божеская дочка!
Где ты так долго бывало?
Где так долго замешкалось?
Куда от нас удалилось?
– За морями, за горами
Я стерегло детей-сирот,
Грело бедных пастушков.
– Милое солнышко, божеская дочка!
Кто тебе утром раскладывает огонек?
Кто тебе покрывает
Твое ложе утром?
– Денница и Вечерница,
Денница раскладывает огонь,
Вечерница стелет ложе,
Я имею много детей
И большие богатства.

V

– Земля мать, земля родительница цветов!
Где мне посадить розовую ветку?
– Здесь на высоком холме,
Над пристанью, над морем.
– Земля мать, земля родительница цветов!
Где найду я отца и мать?
– Оставленное бедное дитя!
Иди на высокий холм.
Над пристанью, над морем
Там выросло из розовой ветки
Высокое розовое деревцо,
С ветвями под самые облака.
Я взобралась высоко
По розовым ветвям,
Там встретила я милого юношу
На божеском конике.
– Ах, юноша! Милый витязь!
Не видел ли ты моих отца и мать?
– О, девица, милая девица!
Сойди вниз, в бездну!
Там твой отец и мать
Празднуют свадьбу сестры.
Сошла я в бездну.
– Добрый день! Ясный день, отец мой!

Добрый день, ясный день, матушка!
Зачем вы меня маленькую
Посреди чужих оставили?
Я стала взрослою девицею,
А теперь нашла люльку,
В которой играла, будучи ребенком.

VI

– Пой, сестрица!
Почему не поешь?
Почему на руки Оперлась, грустя?
– Как же мне петь,
Как мне быть веселой?
В садике беда:
Садик разорен,
Рута истоптана,
Розы вырваны,
Лилии рассыпаны,
Роса отряхнута.
– Не ветер ли подул с полуночи?
Не река ли вышла из берегов?
Не Перкун ли загремел?
Не молнию ли сбросил?
– Ветер не веял с полуночи,
Ни река не выходила из берегов,
Ни Перкун не гремел,
Ни молния не спадала.
Бородатые люди,
Люди от моря,
Вышли на берег,
Садик разорили,
Руту истоптали,
Розу общипали,
Лилию рассыпали
И росу отряхнули.
И я – я сама
С трудом укрылась
Под ветвями,
Под темным веночком.

VII

Над морем, над пристанью
Возносится белая гора;

На горе, на холме
Стоит зеленый дуб.
Я, бедный, туда поплыл.
Обнял его руками,
– О, любезный мой дуб!
Не превратился ли ты в отца моего,
А зеленые твои ветви
Не превратились ли в белые руки?
А зеленые твои листья —
В дружеские слова?
Ах! Я, бедный, отошел оттуда,
Плача горькими слезами,
Потому что дуб не превратился
В любезного отца,
Ни зеленые листья —
В дружеские слова.

VIII

Летел каунис (амур литовский) издалека,
Где царствует вечное лето;
Сказал мне миленький карлик,
Что там воюет мой милый,
Приедет на сивом коне
С богатою добычею?
О, возвратись мой милый божок!
Возьми его на крылья свои!
Принеси мне его здорового,
Я не хочу дорогих камней,
Довольно мне его объятий.

IX

Садила зеленую руту,
Поливала своими слезами,
Забор был для нее оградой
Затем, чтобы стать венками.
Ты будешь для меня украшеньем.
Расти, веселая, на гряде,
Напейся моими слезами и потом,
Пока не приедет мой милый!
Пусть не вредят тебе злые ветры,
Пусть дождь тебя не клонит к земле,
Пусть прохлаждает тебя Пуцис с Пуцятами (Зефир),
Милые друзья цветов.

X

Из-под клена ключ течет
Прозрачной воды.
Дочери солнца рано
Шли умыть в нем лица.
Под клен к источнику
Шла я умыть лицо,
Упало в воду мое колечко.
Пришли божи сыны
С шелковой сетью.
Добыли мне дорогое кольцо
Из глубокого источника.
Приехал юноша
На гнедом коньке,
А гнедой конек имел
Подковки золотые.
– Сойди, сойди, девица!
Подойди, милая девушка!
Я скажу тебе словечко,
Подумаем думку,
Что глубже воды?
Милее молодости?
– Не пойду, юноша,
Мать будет бранить,
Будет бранить седая,
Когда поздно возвращусь.

XI

Ветер ли завыл?
Леса ли зашумели?
Лилии ли поколебались? —
Не ветер выл,
Не лес шумел,
Не лилии колебались,
Сестра плакала —
Милая девица!
Венок ее колебался.
Не плачь, сестрица,
Милая девица!
Завтра хуже заплачешь,
Когда обрежут волосы
Шелковой косы —

Достояние твое;
Когда скинут перстень
С белой ручки твоей —
Украшение твое.

ХII

– Для чего обратился взор твой,
Любезный юноша,
На девицу сироту?
Когда я не имею
Ни отца, ни матери,
Ни родных нигде.
Растет в лесу зеленый дуб;
Но то не мой отец.
О, если бы он был мой отец!
– Ветви – его руки,
Листья – слова!
– Тише, не плачь, девица,
Милая лилия,
О грустных днях твоих!
Умеешь ли прясть,
В пядьцах ткать?
На зеленом лугу сено грести?
– Умею хорошо прясть,
В пядьцах ткать,
На зеленом лугу сено грести.

ХIII

Что за чудо, большое чудо!
Я сеяла руту, – цветут розы.
Плети, девица, плети веночек,
Венок из зеленой руты.
Иди, девица, к воде,
Поднялся северный ветер,
Сорвал мне венок с головы,
Занес на высокое море.
Трое юношей на зеленом лугу,
Сено косили на зеленом лугу.
– Кто из вас хочет быть моим милым?
Кто поплывет за моим венком?
– Я буду твоим милым,
За венком поплыву
На высокое море.

Венок приплыл к берегу,
Юноша погиб в глубине.
Веночек лежал на руках,
Юноша на досках.

XIV

Летел черный ворон
И нес белую руку,
А на ней золотое кольцо.
– Спрашиваю тебя, милая птица,
Где ты, черный ворон,
Достал белую руку?
Где – золотое кольцо?
– Я был на большой войне:
Там бились большою битвой,
Там сплетались леса мечей,
Там вырыли стрелы ямы,
Там кровь текла реками,
Там лежал не один сын,
Плакал не один отец.
– О, горе, это мое кольцо!
Уже мой юноша не возвратится,
Пусть льются мои слезы!

XV

Я бедная девица,
Оставленная сирота,
Привыкла переносить
Горькую бедность.
О, если бы я имела
Родную мать!
Покровительницу!
Давно уже спит она
На высоком холме
В своей могиле.
А на ней дрожит, блестит,
Ясно как серебро —
Роса в листьях руты.

XVI

Течет в источнике
Чистая вода,
Над источником,
Над водою.
О чем грустит девица?
– Как мне не грустить?
Как мне не жаловаться?
Я не имела
Ничего от того,
Кого ношу в сердце!
Но среди бессонной ночи
Я сказала словцо:
Навсегда!
И никогда
С ним не расстанусь,
Я желала бы лучше,
Чтоб с душою тело
Рассталось —
Чем я с ним,
С моим любезным юношей.

XVII

Миленькая Летува,
Дорогая свобода,
Ты скрылась в пространстве небес.
Где ж тебя искать?
Разве только на лоне смерти?
Пусть смотрит, куда хочет, несчастный!
Взгляни на восток,
Взгляни на запад:
Бедность, принуждение, притеснение,
Пот от трудов, кровь от ударов
Залили пространную землю.
Миленькая Летува,
Дорогая свобода,
Сойди с неба – сжался!

XVIII

Кто хочет жить среди горя,
Проливать горькие слезы, —
Пусть идет и сделается
Женою барщинника.
Пойдет на барщину
В красный двор,
Где и в слезах
Поставят за жернова.
Возвратится с барщины
Назад из двора,
Неся милые слова
И горькие слезы.
Которая не хочет в горе
Проливать горьких слез —
Пусть будет невестою,
Женою лесничего.
Он пойдет в зеленый лес,
В березовую рощу;
Оставит ее сладко спящею,
Покрытою периной.
Он возвратится из лесу,
Из зеленой рощи,
Принесет дичь
И милое словечко.

Последние две песни относятся к XVII в., когда литовские и западнорусские крестьяне попали под власть польских помещиков и арендаторов. Положение крестьян в Литовском государстве с этого времени сделалось самым безвыходным и самым безотрадным; особенно тяжело было положение крестьян православных под владычеством пана-католика; если кто из православных крестьян хотел хоть сколько-нибудь облегчить свою участь, то должен был перейти или в католичество, или в унию, другого исхода не было; да и то, впрочем, облегчение, по перемене веры, было временное. Но о всем этом мы подробно скажем в своем месте.

Города и управление у древних литовцев. По единогласному свидетельству древних писателей русских, польских и немецких, литовцы до половины XIII в. не имели у себя городов. Русские летописцы, сообщая о походах русских князей на литовские племена в X, XI и XII вв., ни слова не говорят о литовских городах. Польский хронист Мартин Галл⁵⁰, передавая сведения в своей хронике под 1110 г. о походе польского короля Болеслава III на одно из литовских племен, именно пруссов, говорит следующее: «Болеслав вошел в землю пруссов по льду замерзших озер и болот, представлявших единственный путь в их страну; но, переправившись через озера и болота и достигнув населенной страны, он не мог остановиться на одном месте; он не мог занять ни замков, ни городов, которых там вовсе нет, ибо страна защищена только естественным местоположением своим, составляя острова среди озер и болот; вся земля распределена там по жребию в потомственное пользование жителям-земледельцам. Итак, воинственный Болеслав, пройдя в разных направлениях по стране этого варварского народа, собрал огромную добычу, увел в рабство бесчисленное множество мужчин и женщин, мальчиков и девочек, рабов и рабынь, сжег многие села и постройки, и без боя с добычею возвратился домой в Польшу». Почти то же самое говорят и другие писатели о других литовских племенах, то

⁵⁰ Жил в XII в.

есть, что они не имели городов и жили среди озер и болот. Вместо городов литовцы имели села и деревни и некоторые укрепленные местности, куда скрывались в случае нападения неприятелей. Правда, на некоторых окраинах литовской территории в XII в. упоминаются города, но они построены русскими, таковы: Гродна, Новогрудок и другие. Собственно же литовские города упоминаются не ранее второй половины XIII в. или первой половины XIV в., таковы: Кернов, Эйрагола, Голынаны, Вильна, Троки и Лида.

Как до половины XIII в. мы не находим в Литве городов, так до половины XIII в. мы не находим там и монархической власти, которой бы подчинялась сколько-нибудь значительная часть литовского племени. Последнего рода факт тоже подтверждается единогласным свидетельством и русских, и польских, и немецких писателей. Если в летописях, при столкновении соседей с литовцами, упоминается о князьях их (кунигасах, как их обыкновенно называли), то это были не более и не менее как правители отдельных сельских общин, вроде наших волостных старшин. Одним словом, до половины XIII в. ни одно из литовских племен, даже часть их, не составило из себя более или менее крепкого и сильного политического организма: все они жили врассыпную и дробились на мелкие и слабые политические единицы; две, три деревни, иногда четыре или пять, взятых вместе, представляли отдельный и самостоятельный центр, с отдельным и самостоятельным своим кунигасом. Если жители этих маленьких политических центров и сплачивались когда, то только для отражения или нападения на общего врага, то есть на время, и потом снова рассыпались, как беда миновалась.

Но несмотря на раздробленность политическую, литовцы крепко связаны были своим, общим всем племенам, религиозным культом. Последний проявился у них также и многими видимыми признаками народного единства, именно: центральным для всех племен литовских святилищем Ромове; общим сословием жрецов и общим почитанием и безусловным повиновением их главному первосвященнику Криве-Кривейто. Справедливо говорит профессор В.Б. Антонович, что если бы литовцев не тревожили извне и дали бы им возможность развиваться самим по себе, то у них образовалось бы теократическое государство. Но этого не случилось, и не случилось потому только, что напор соседей заставил их сплотиться в более сильный и крепкий политический центр. Явление это обнаружилось в литовском племени во второй половине XIII в., и то не на собственной чистой литовской территории, а на чужой, русской. Но об этом после.

Законы. К числу объединяющих признаков раздробленных литовских племен на бесчисленное множество маленьких самостоятельных политических единиц относятся их общие древние законы. Законов этих было немного. Вот они:

1. Никаких богов, кроме отечественных, не принимать без позволения и повеления Криве-Кривейто.

2. Богам угодно, чтобы Криве-Кривейто был верховным правителем и толкователем их воли, а вайделотам оказывалось уважение.

3. Богов должно чтить и им покоряться: ибо по их милости имеем землю, на которой живем и которая нас питает, а после дадут еще обильнейшие земли.

4. Соседей, чтущих наших богов, должно считать друзьями, а противящихся нашим богам никогда не принимать в дружбу и вести с ними войну.

5. Каждый может иметь трех жен, с тем условием, чтобы первая была из нашего рода, остальные могут быть из рода туземцев или пришельцев.

6. У кого будут болезненные жены, дети, братья, сестры, челядь или сам будет удручен болезнью, тому позволительно и похвально себя сжечь или страждущее лицо, потому что слуги наших богов должны смеяться, а не стенать.

7. Кто в здравом рассудке захочет себя, свое дитя или кого-либо из челяди сжечь в жертву богам, тому не запрещать, потому что чрез огонь люди освящаются и становятся достойными жить и веселиться с богами.

8. Кто нарушил супружескую верность – муж или жена, – того по уличении сжечь в отдалении от лица богов, прах рассеять по дорогам, а потомство лишается права поступать в вайделоты.

9. Если жена не слушается мужа, то он волен ее сжечь, а сестры ее покроются стыдом за то, что не учили ее покорности богам и мужу.

10. Кто грубо оскорбит женщину, того она может сжечь, потому что он наслаждался ее смущением.

11. Кто обидит честную девицу, тот должен жениться на ней; если же он женат, то его затравить собаками, потому что он обидел состояние богов, которые или женаты, или остались в девстве.

12. Кто убьет человека, того отдать родственникам убитого, и в их воле убить его или оставить живого.

13. Кто украдет, того в первый раз высечь, во второй – отколотить палками, а в третий – отдать на растерзание собакам в отдалении от лица богов.

14. Тот признается благородным, кто умеет ловко ездить на своих лошадях.

15. Никто не может принуждать к работе другого, для этого нужен взаимный договор.

16. У кого умрет жена, тот должен немедленно приискать себе другую, потому что неприлично долго тужить по жене.

17. Если умрет муж, оставив жену бездетную, то она может выйти замуж, не согрешая пред богами, но может поступить и в вайделотки.

Все эти законы были не писаны, а передавались народом из уст в уста по преданию. Писатели XV и XVI вв. говорят, что эти законы даны литовцам Брутенем и Вайдевutom. Они же передают также, что жена сына Вайдевута Варла, по имени Ерма, прибавила еще несколько законов, именно: если жена нарушит супружескую верность, то привязать ей на шею четыре камня и водить ее из селения в селение, пока криве не снимет с нее этого греха; если жена оскорбит мужа, то подвергнуть ее телесному наказанию розгами или палками; если жена ударит мужа, то отрезать ей нос.

Вообще, в древней Литве все преступления наказывались строго, особенно же за убийство; но если убийца убежал в места, посвященные богам, то был свободен от наказания.

Военное дело. Древние литовцы, поселившись в стране, по своим физическим условиям малодоступной для нападения соседей, первоначально совсем не вели войны и питали к ней отвращение, как это видно из сохранившихся древних песен. Но с течением времени привыкли к ней, полюбили ее и стали считать военные занятия благородным делом.

Войско литовцев делилось на конницу и пехоту. Вооружение его состояло из стрел, кривых сабель, пик, бердышей, стальных молотков и т. и.; огнестрельное оружие стало входить в употребление со времен Витовта. Во время битвы литовцы всегда обнаруживали необыкновенное мужество и стойкость. Для ограждения страны от вторжения неприятеля любили укреплять свои границы крепкими замками, в которые помещали сильные гарнизоны. При осаде крепостей употребляли стенобитные машины.

По словам Чацкого, у древних литовцев собирали войско посредством следующего оригинального способа: князь резал козу, в кровь ее погружал стрелу и затем вместе с обгоревшим куском дерева посылал от дома до дома; это было знаком, чтобы все собирались в поход и являлись к князю, в противном случае будут наказаны огнем и смертью. Выступая против неприятеля, литовцы имели обыкновение гадать: если из-за границы, наблюдали они, летели в Литву орел, белый голубь, ворон, журавль, драхва, то предвещали победу; если же встречались им на пути олень, волк, рысь, больной человек, то предвещали неудачу. В войске всегда имелось несколько хоругвей с изображением петуха или надписи богу Курко.

Сношение древних литовцев с норманнами, русскими, поляками и немцами в легендарный период их истории

Много веков прошло, как нужно полагать, замкнутой и уединенной жизни древних литовцев со времен поселения их в областях 3. Двины и Немана до первого знакомства с иноземными народами. Но кто первый из соседей проник к ним в эту глушь? Какой иноземный народ первый вошел в сношение с древними литовцами в доисторический период их жизни? Ни хроники немецкие, ни русские летописи, ни польские писатели раннего периода не дают нам положительного ответа на этот вопрос. Но нам дают ответ на этот вопрос народные предания древних литовцев. Правда, народные предания по большей части представляют такие рассказы, которые не соответствуют ни фактам действительной жизни, ни логическим выводам мысли. Но тем не менее, как бы ни были народные предания обезображены фантазией, основание их всегда составляет факт несомненно исторический. Чем фантастичнее и неправдоподобнее представляется народное предание, тем оно менее в своих частностях заслуживает признания несомненности и тем более основание его лежит в седой древности; но чем менее народное предание обезображено фантазией и чем естественнее подходит к действительности, даже в своих частностях, то тем более оно заслуживает доверия и тем ближе стоит к историческому времени. Литовские народные предания, из которых мы можем узнать о том народе, с которым литовцы раньше всех познакомились, и относятся именно ко второй категории народных преданий, то есть таких преданий, которые мало обезображены народной фантазией и ближе стоят к историческому времени. Эти предания – о Брутене и Вайдевуте, о Гелоне и Немоне (Палемоне). Из этих преданий мы видим, что первые проникли чрез глухие дебри к литовцам и завели с ними сношения норманны.

Сношение древних литовцев с норманнами. В VII в. нашей эры полуостров Скандинавии населен был норманнами, народом германского племени. С конца VIII и начала IX в. народ этот стал группами выселяться из родной страны. Ученые находят три причины этому выселению.

1. Окружающая природа. Скандинавский полуостров, как известно, представляет собой страну мрачную, угрюмую и в высшей степени холодную. Климат и теперь суровый, а за 1000 лет до нашего времени был еще суровее и неприветливее. Почва каменистая и бесплодная: полей, необходимых для земледелия, и пастбищ для скотоводства тогда совершенно не было, а потому норманны, терпя на негостеприимной и скудной земле холод и голод, принуждены были массами покидать родную почву и искать лучшей доли в соседних странах.

2. Религия. Языческая религия древних норманнов проникнута была в высшей степени воинственным духом и запечатлена характером трагической доблести и страданий⁵¹. Поэтому норманны, воспитанные на ней, неудержимо стремились из своего отечества в далекие страны на битвы и подвиги ратные.

⁵¹ *Примечание.* Суть языческой религии древних норманнов состояла в следующем: главный бог у норманнов был Один, который вместе с 12 белокуроыми азами (полубоги, помощники Одина) создал мир видимый. Сначала, говорят скандинавские саги (эпические произведения), был золотой век; но дочери гигантов, жителей мрака и тьмы (холодного севера), нарушили тишину и спокойствие, – и вот началась упорная борьба с гигантами. На первых порах вели ее Один и азы, а затем стали продолжать герои. Во время битв над сражающимися летают богини валькирии: они подбирают тела убитых героев и уносят их в чертоги Одина, где трупы эти снова оживали и герои начинали вести борьбу между собою; борьба обыкновенно происходит днем, а ночью все ожившие герои мирятся и кутят в залах высшего бога. Конец борьбы, по словам скандинавских саг, страшно трагический: в последнее время этой борьбы примут участие в ней и боги, и люди; «тогда, – говорит одна сага, – разорвутся все связи мироздания, холод и огонь вышлют враждебных демонов; восстанут все силы природы, и в последней отчаянной борьбе погибнет от огня весь мир, погибнут люди и погибнут самые боги вместе с Одним». Но, в заключение, прибавляет сага, из волн морских явится новый мир, в котором не будет зла и страданий, и будет мир и счастье. Управлять миром этим будет один из высочайших азов – кроткий Бальдер.

3. Общественное устройство скандинавов в VIII и IX вв. В древности Скандинавия разделена была на мелкие владения, из коих каждое имело своего конунга (князя, литовского кунигаса). По смерти конунга достоинство его обыкновенно переходило к старшему сыну; младшие же получали известный участок земли и, будучи по большей части недовольны им, собирали отважную дружину, пускались в открытое море и с военными песнями плыли куда глаза глядят.

Когда приезжали к чужому берегу, то по течению рек плыли во внутренность страны и там с яростию кидались на города и селения, грабили, жгли и увозили, что могли. А возвратившись на родину, обыкновенно рассказывали землякам про свои подвиги. Эти рассказы воспламеняли мужество у других, и те с наступлением весны пускались в открытое море для набегов, подобно предшественникам.

В IX в. об этих удалых дружинниках уже знала вся Европа. Особенно сильно страдали от норманнских пиратов прибрежные страны западной Европы. Когда их суда показывались на реках и их военный рог раздавался на берегу, то все жители немедленно оставляли свои жилища и стремглав бежали в города, монастыри, леса, пещеры и т. п. Ужас от этих дружинников так велик был в западной Европе, что составлена была особая молитва, которую читали в церквах «об избавлении от набегов норманнов».

Но в конце IX и начале X в. воинственный пыл скандинавских выходцев стал остывать; в это время они не только уменьшили свои разбои и грабежи, но стали оседать в покоренных странах, основывать новые владения и даже сливаться с покоренными народами; так было в Англии, Франции и Италии, так было и в России. Оседание норманнских пиратов и основание ими поселений в чужих краях как раз совпадает с общественным и религиозным переворотом в самой Скандинавии.

В конце IX и начале X в. в Скандинавии мы видим два великих явления: а) мелкие владения, на которые тогда разбит был Скандинавский полуостров, теряют свою самостоятельность и слагаются в большие государства; б) языческой религии скандинавов наносится удар от христианства: сначала Ансгарий, монах корвейского монастыря на Везере⁵², а за ним его ученик Горза распространяют и утверждают христианство среди скандинавских народов. Последние два переворота в Скандинавии – политический и религиозный – усилили эмиграцию норманнов в чужие страны: они целыми тысячами стали выселяться не только в европейские государства, но даже в отдаленный север: на острова Ферерские, на остров Исландия и полуостров Гренландия, унося с собою и политические традиции, и языческую религию. Но только теперь скандинавы удаляются из своей страны в означенные местности не как пираты, с целью грабежа и разбоя, на время только – а потом снова вернуться на родину, – нет, теперь они удаляются из родины навсегда и являются в чужие земли как мирные пришельцы, селятся там и сливаются с туземцами.

Из этого краткого очерка древней Скандинавии мы видим, что выселение норманнов из Скандинавии в чужие страны по своим целям и по своему характеру распадается на два периода: первый период выселения норманнов (от половины VIII до половины IX в.) можно назвать пиратским, разбойническим; второй же (от конца IX до начала XI в.) – периодом мирного и спокойного выселения.

Но если норманны в первый и во второй периоды своего выселения являлись в Англию, Францию, Италию и даже на отдаленный север, куда и теперь, при усовершенствовании способов мореплавания, небезопасно плыть, то неужели они могли оставить страну литовцев без внимания, страну, которая лежала у них, так сказать, пред глазами? Само собою разумеется, что нет (хотя и не имеем ясных указаний в летописях); в первый период своих выселений норманны, очевидно, являлись в литовские владения, как и во все другие, набегами, с целью гра-

⁵² Ансгарий умер в 865 г.

бежа и разбоя, а во второй – как мирные поселенцы: селились в них, принимали нравы и язык туземцев и сливались с этими последними. К первому периоду, очевидно, относится предание литовцев о Гелоне. Это народное предание говорит о нападении на литовцев с севера и востока каких-то людоедов, которые все жгли, разоряли и опустошали. Кто же были эти людоеды? Какой народ от моря мог попасть к литовцам? Очевидно, норманны. Название нападающего народа на литовские земли «людоедами», конечно, нельзя считать за факт несомненно истинный; таким названием норманнов литовцы окрестили, так сказать, по их жестокому обращению с пленными. Давно ли, например, западная Европа перестала считать людоедами русский народ (москалей)? Очень может быть, и теперь еще есть уголок в Италии или Испании, жители которого, благодаря католическому духовенству, до сего времени считают русских «схизматиков» одноглазыми людоедами. Если теперь еще возможно обозвать, да не только обозвать, а придать неповинному народу эпитет «людоедов», то тем более это возможно было во времена варварские, когда сами нападающие подавали к тому много поводов.

Ко второму периоду, то есть периоду политического и религиозного переворота в Скандинавии и мирного выселения норманнов, относятся предания о Брутене и Вайдевуте и о Немоне. Что предания эти прямо указывают на переселение в Литовскую землю жителей Скандинавии, то это ясно видно, во-первых, из того, что первое предание прямо называет Брутена и Вайдевута скандинавскими выходцами; во-вторых, из того, что путь Немона, через который он проник в Литву, именно таков, по которому и могли только прибыть скандинавы; в-третьих, из того, что самые имена Брутена, Вайдевута и Немона – скандинавские, и, в-четвертых, наконец, из того, что из местечка Эйрогола, основанного, по преданию, скандинавом Немоном, вышел Лютове, родоначальник жмудской или Гедиминовой династии, многие потомки которого носили скандинавские имена.

Итак, из литовских народных преданий мы видим, что скандинавы сначала являлись в Литву как разбойники и грабители, а потом как мирные поселенцы⁵³.

Но вот вопрос: что норманны, поселившись между литовцами, внесли скандинавского в политическую и религиозную жизнь литовского народа? Что касается перемен политического строя литовцев, произведенных скандинавами, мы решительно ничего не можем сказать; но относительно перемен в религии литовцев, произведенных скандинавами, можем кое-что сказать. Из литовского народного предания о Брутене и Вайдевуте мы видим, во-первых, что Брутен и Вайдевут в стране ульмигеров (литовцев, живших, как говорили выше, между Неманом и Вислою) заповедуют литовцам поклоняться трем богам: Перкуну, Поклюсу и Потримпосу; во-вторых, что они привозят истуканов из Скандинавии, и, в-третьих, что они устанавливают правила избрания Криве-Кривейто. А все это показывает, что пришельцы-скандинавы (пусть будут Брутен и Вайдевут имена вымышленные, что очень может быть) были реформаторами религии древних литовцев. Они, вероятно, прибыли в Литву из Скандинавии в то время, когда на родине их христианство стало распространяться. Эти пришельцы принадлежали к той части норманнов, которые, спасая свою религию языческую, бежали из Скандинавии в разные страны. По прибытии к литовцам скандинавы, конечно, не могли предложить им своих богов: Одина и азов, иначе бы они вооружили литовцев против себя. Скандинавы, как умные люди, хорошо воспользовались уже готовыми литовскими божествами, чтобы именем их повелевать литовцами; а для большего страха скандинавы, очень может быть, принесли из своей родины и истуканов.

⁵³ Древнейшие скандинавские саги также дают некоторое основание предположить, что норманны первые проникли к литовцам и завели с ними сношение. Из поэтических преданий древних жителей Скандинавии видно, что в VIII в. в Швеции был замечательный конунг Ивар Видфаме, который с дружиною своею завоевал южные берега Балтийского моря; внук его Горальд Златозубый покорил восточные берега Балтийского моря, а сын Горальда Сингур Ринги очень дружил с куронами и эстами, которые часто помогали ему в битвах.

Справедливость предания о Брутене и Вайдеуте, указывающего на скандинавов, как на реформаторов литовской религии, видна из того, во-первых, что Ромове сделалось исторически известным именно в том месте, где указывает это предание, то есть в Пруссии; во-вторых, что избрание Криве-Кривейто совершенно было похоже, как говорят, на избрание первосвященника в Скандинавии, г. Упсале.

Таким образом, из всего вышесказанного можно вывести следующее заключение: а) первые пришли в литовские дебри скандинавы; б) сначала скандинавы являлись сюда как разбойники и грабители, а потом мирные поселенцы; в) скандинавы второй категории были реформаторами древней литовской религии, и г) наконец, они были, как и потомство их, предводителями литовских дружин, а впоследствии и великими князьями Литовского государства.

Сношения русских с литовцами. Вслед за скандинавами вступили в сношение с литовцами и русские. Сношения эти прежде всего начались вследствие частых поездок русских, когда они были еще язычниками, к литовцам на поклонение их кумирам. Так, Адам Бременский, писатель XI в. (он был каноником латинской церкви, ум. 1076 г.), в своей хронике между прочим сообщает, что русские, будучи еще язычниками, дружно жили с литовцами и часто ездили «в Жмудь и Коронию на поклонение их кумирам». Почти то же самое мы находим и в Иакимовской летописи. «Храмы и жрецы земголы, – говорится в ней, – находятся в глубоком уважении у русских славян». Затем сношения эти еще более усилились по поводу торговли, производимой новгородцами и полочанами в Литве. По свидетельству известного литовского историка Нарбута, торговля эта совершалась еще в доисторические времена в Литве, то есть в X, XI и XII вв. Наконец, сношения русских с литовцами окончательно упрочились, когда русские начали заводить свои поселения на литовской территории.

Начало русских поселений в Литве относится к глубокой древности. Профессор Московского университета Беляев в своем сочинении «Очерки истории Северо-Западного края» говорит, что еще до призвания северными славянами варяго-русских князей из Новгорода, Полоцка и Смоленска начала распространяться колонизация по всему Литовскому краю, придерживаясь течения рек, по которым, как по дорогам, устроенным самою природою, новгородцы, полочане и кривичи проникли в глубь непроходимых лесов литовских пуш.

В XI и XII вв. развитие русских поселений в Литве получило особую силу благодаря содействию киевских великих князей. Так, Ярослав I, по словам польского историка Длугоша и литовского Нарбута, завоевавши юго-восточную часть литовской территории, основал на ней несколько военных поселений, подчинил их особому наместнику и дал ему часть своего войска для хранения порядка.

Из литовской летописи, известной под именем Быховца, видно, что русских поселений в XII в. особенно много было в местности, лежащей между Вилиею и Припятью, так что составитель ее называет эту местность русской.

Во второй половине XII в., а еще более в XIII в. связь литовцев с русскими уже настолько сильна была, что многие русские князья, становясь во главе их ратей, защищали их интересы против немцев, как свои собственные. В то же время литовские города и села были переполнены русскими. Русский язык сделался господствующим среди высшего сословия литовской народности. А по свидетельству польских и литовских историков: Ярошевича, Стебельского, иезуита Кояловича и Нарбута, с конца XII в. литовские князья один за другим стали принимать православие. Так, принял православие удельный литовский князь Гинвил Мингайлович вместе с именем Юрия (род. в 1123, ум. 1199 г.); затем: Борис Гинвилевич (род. в 1146, ум. 1206 г.), Рогвольд Борисович, Глеб Рогволдович и дочь последнего Параскевия, признанная святою даже в Риме (ум. в 1235 г.) и т. д.

В XIV в., когда в Литве вступила на престол Гедиминовская династия, дружественные отношения литовцев с русскими и влияние последних на первых достигли своего апогея; но об этом будет сказано после.

Такая тесная связь литовской народности с русской и культурное влияние последней на первую было следствием глубокого природного гуманного чувства, присущего русской нации. Русские, как это доказали сотни исторических фактов, приобретши влияние на какой-нибудь народ, никогда не имели в виду порабощения его, и, подобно западным католическим народам, никогда не прибегали к огню и мечу, если только он сам, по каким-либо причинам, не прибегал к этому средству. Даже завоевавши какой-нибудь народ, если этого требовала политическая необходимость, русские никогда не трогали его внутренней жизни, не насиловали свободы совести и не прибегали к мерам террорическим, с целью обрусить. Так было и при сношении русских с литовцами в легендарный период истории последних. «Русские привлекали симпатии литовцев бескорыстием, доброжелательством, чистосердечием и откровенностью», – говорит один западный ученый, занимавшийся исследованием влияния соседних народов на литовцев в древний период их истории.

Сношения поляков с литовцами. После скандинавов и русских в сношения с литовцами вступили и поляки. Начало сношений поляков с литовцами положено было королем Болеславом Храбрым по поводу мученической кончины в земле литовского племени пруссов одного из католических миссионеров св. Войтеха. Св. Войтех (по-немецки Адальбут) около 1002 г., оставивши должность пражского епископа, задумал отправиться к пруссам проповедовать христианство. Польский король Болеслав Храбрый снабдил его судном и вооруженным конвоем. Св. Войтех, выйдя из Данцига, повернул на восток, вдоль берегов Пруссии, и чрез несколько дней высадился на территорию этого литовского племени. Здесь епископ отослал обратно польский конвой и в сопровождении только двух монахов углубился вовнутрь страны. Первые туземцы, попавшиеся ему навстречу, опросили миссионера о причине его прихода, на что Войтех отвечал: «Я пришел к вам в качестве проповедника истинной веры, чрез которую получается вечное спасение; вы должны оставить ваши истуканы и узнать истинного Творца вашего, истинного Господа, которому следует верить и поклоняться». Туземцы на слова св. Войтеха с гневом закричали: «Мы имеем общую веру и общие обычаи с жителями всей страны, у входа в которую живем. Вы же, иноземцы, исповедуете веру чуждую нам; до истечения суток удалитесь из нашей земли, иначе подвергнетесь опасности смерти». Миссионеры должны были отправиться ночью в дальнейший путь; на рассвете они расположились отдохнуть в одной роще; но эта роща оказалась заповедною; туземцы сочли эту невольную ошибку за святотатство, окружили спящих и, под руководством жреца, убили св. Войтеху в качестве очистительной жертвы богам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.